

попаванец

Владимир Малыгин

ПОД
КРЫЛЬЯМИ
БОСФОР

Попаданец (АСТ)

Владимир Малыгин
Под крыльями Босфор

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Малыгин В. В.

Под крыльями Босфор / В. В. Малыгин — «Издательство АСТ»,
2020 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-138545-3

Позади хмурое небо северо-запада, серые стлывые воды Балтики, столичные интриги и давящие спину завистливые взгляды царских чиновников, а впереди солнечный Крым, синее море и голубое небо, надежный «Илья Муромец» и, конечно, война... Войну пока никто не отменял. И будьте бдительны, господин полковник: вы теперь – личный враг германского канцлера!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-138545-3

© Малыгин В. В., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Малыгин

Под крыльями Босфор

© Владимир Малыгин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Пролог

Царское Село

– И еще одно, Владимир Федорович. Не выпускайте из своего поля зрения нашего общего друга, – последнее слово Мария Федоровна, императрица Всероссийская, выделила особо. – Обязательно приставьте негласную охрану. После недавних событий к нему будет приковано всеобщее пристальное внимание. И тут непонятно, кого больше следует опасаться – своих подданных или подданных других государств...

Государыня расчетливо потянула паузу, давая собеседнику время на обдумывание своих слов, при этом пристально всматривалась в его неподвижное лицо, словно старалась заглянуть внутрь его мыслей – внимательно отслеживала малейшие проявления каких-либо эмоций.

Но и собеседник был не лыком шит. За плечами Джунковского огромный служебный опыт – просто так на подобную должность человека с улицы не назначали. И в дворцовых интригах, как говорят, «собаку съел». Одного того факта, что он сейчас находится в этом кабинете, достаточно, чтобы понять – свою нынешнюю должность командира Отдельного Корпуса жандармов Владимир Федорович занимает по праву. Так что никакого намека на эмоции не могло быть, да и не промелькнуло на бесстрастном лице Джунковского.

– Хорошо, – удовлетворилась результатами собственной паузы Мария Федоровна. – Надеюсь, вы меня правильно поняли, Владимир Федорович.

– Вы полагаете, что ваш родственник может... – Джунковский с многозначительным видом скосил глаза на окно, выходящее на западную сторону, и тоже взял паузу, словно предлагая дальше продолжать фразу Марии Федоровне.

– Да, – правильно истолковала недоговоренное императрица. И продолжила говорить. При этом чуть-чуть, практически незаметно наклонила голову, словно этим незамысловатым жестом подтвердила невысказанное. – Кайзер сейчас чрезвычайно уязвлен недавней бомбардировкой Берлина и сожженным куполом Рейхстага. Зная Вильгельма, скажу, что он очень разозлен. Знатный удар по самолюбию. Поэтому прошу присмотреть за нашим общим другом. Мы с Ники решили спровадить его подальше от столицы. Слишком уж часто он стал появляться в Зимнем...

– Заслуженно, позволю себе заметить, начал появляться, – мягко перебил императрицу Джунковский. И даже не перебил, а позволил себе ненавязчиво поправить Марию Федоровну. Потому как с недавнего времени мог иногда допустить подобное. И опять же благодаря тому, за кого сейчас заступался.

– Этого никто и не отрицает. Но зависть настолько ядовитое чувство, что многим начинает разъедать глаза. До меня дошли слухи, что его в определенных кругах уже начали называть вторым Распутиным...

– Всего-то пару раз был удостоен аудиенции его императорского величества. Да и то... Оба раза после награждения, – уточнил жандарм и склонил голову в уважительном поклоне. Отношения отношениями, но дворцовый, да и просто этикет, никто не отменял.

– Это двор, – откликнулась Мария Федоровна. – Некоторым из них и этого не удалось добиться. Впрочем, вы, Владимир Федорович, обо всем происходящем в столице осведомлены лучше меня. Поэтому еще раз прошу вас не спускать глаз с нашего новоиспеченного полковника.

– Подполковника, – снова пришлось уточнять Джунковскому.

– Ну, это пока он подполковник. Слишком широко ваш Грачев шагает. Так скоро и полковником станет...

Мария Федоровна помолчала, словно ожидала каких-либо возражений. И не то, что на самом деле эта фамилия вызывала у нее какое-то раздражение, нет. Напротив, именно благо-

даря обсуждаемому сейчас знакомцу удалось хорошенько встряхнуть Ники и ближайшее его окружение, даже кое-кого заменить на более лояльных людей, убрать с глаз подальше Аликс и наконец-то отправить прочь из столицы Григория. Не говоря уже обо всем остальном, что сейчас происходит на просторах страны...

Но и не сказать того, что сказала, Мария Федоровна, вдовствующая императрица этой великой империи, не могла. Слишком велики ставки. Судьба и жизнь династии и этой самой империи...

Поэтому все верно. Грачева необходимо на какое-то время убрать подальше от двора, от завистливых глаз, ядовитых шепотков и змеиных языков. И вроде бы все хорошо пока, но... Если бы не это сжигающее душу и сердце знание подступающей катастрофы. Очень уж шаткое у Ники положение сейчас...

Не дождалась возражений, решительно отбросила прочь тягостные мысли и решила свернуть разговор.

– Чаю не желаете? Нет? Тогда ступайте, Владимир Федорович. Ступайте. Дела не ждут. Джунковский молча откланялся, развернулся и направился к выходу.

По дороге в столицу тщательно проанализировал такое странное завершение короткого разговора и понял, в чем заключался его основной смысл. В заключительной фразе императрицы. Когда Мария Федоровна выделила слово «ваш».

«Получается, отныне я с Грачевым одной ниточкой связан, – усмехнулся про себя Владимир Федорович. И еще раз хмыкнул, только уже вслух. – Как будто до этого разговора это не так было! После всех его откровений и так называемых предсказаний. Я за ним по должности все время присматриваю. В случае его успехов и мне будет хорошо. Ну а в противном... Про подобное даже и думать не хочется. Но усилить присмотр за моим протеже наверняка стоит. Вряд ли Мария Федоровна просто так обмолвилась о возможных проблемах для Грачева со стороны власть имущих... Да еще и этот прозрачный намек на кайзера... И исполнение просьбы государя нужно держать на полном контроле. Просьба-то она просьба, но это государь. И, значит, просьба равносильна приказу. Самому, что ли, в Крым поехать...»

Ревель

– А ведь я ему говорил держать ушки на макушке. И про то, что лучше быть подальше от начальства, – тоже... – Александр Васильевич Колчак взглядом испросил позволения, достал папиросу, прикурил и с удовольствием затянулся вкусным теплым дымом. Выдохнул и продолжил: – И про то, что не нужно повторять ошибки Распутина, намекал.

– Так он их и не повторяет. Он свои собственные делает...

Разговор этот проходил в кабинете командующего Балтийским флотом адмирала Эссена Николая Оттовича. В отличие от начальника оперативного отдела штаба, командующий сейчас сидел в своем кресле, чуть развернувшись от массивного стола, крытого плотным и тяжелым даже на вид зеленым сукном. Взгляд адмирала был направлен в окно. Туда, где через голые ребра замерзших на пронзительном, стылом ветру деревьев проглядывало такое же холодное и стылое зимнее море.

– Бр-р, – передернул плечами Эссен. – Что бы там ни было, Распутин не Распутин, а я к давнему предупреждению отнесся очень серьезно. И рисковать попусту из глупой бравады – ставить под удар собственную жизнь и судьбу флота – не собираюсь!

– А все-таки, ваше превосходительство, заранее прошу прощения за этот вопрос, но очень уж любопытно. Что он вам тогда такого особенного напроорочил? – наклонился к столу и затушил в пепельнице окуроч Александр Васильевич. Выпрямился, привычно развернул плечи.

– Ничего особенного. Сказал, что не переживу я эту зиму, если не буду следить за своим здоровьем! – смутился адмирал, закряхтел от досады на самого себя за это неожиданное сму-

щение и разозлился. Заговорил громко, заметно горячась: – Вы только представьте себе, Александр Васильевич! Это я! Я! Адмирал Эссен! Простыну на мостике своего флагмана, подхватываю инфлюэнцу и уже не встану! Сгорю в лихорадке! Чушь какая-то! Бред!

Командующий с возмущением фыркнул, настолько похожий в этот момент на старого седого моржа, только что вылезшего из полыньи, что Александр Васильевич с трудом удержался от улыбки. А Николай Оттович ухватил рукой свою густую бороду, пропустил ее пару раз между пальцами, стараясь этими незамысловатыми действиями скрыть досадное раздражение. Не выдержал, подхватился на ноги и порывисто шагнул к окну. С досадой отмахнулся на отодвинувшего стул и начавшего выпрямляться Колчака, постоял, успокаиваясь и переводя дыхание. Развернулся, переместился к столу, остановился в паре шагов от собеседника и, не отводя жесткого прямого взгляда от глаз Колчака, медленно проговорил:

– Бред. Вы меня понимаете?

– Понимаю. И, тем не менее, вы...

– Тем не менее я сейчас сижу в своем кабинете и разговариваю с вами, милейший Александр Васильевич. Это вместо того, чтобы сейчас находиться в море, на мостике...

– Значит, поверили, – дернул углом губ Колчак. – И вы тоже...

– И я. И еще кое-кто... – Командующий оглянулся на висящий за спиной портрет его императорского величества. – Только теперь Грачеву, к вашему сведению, предстоит дальняя дорога на жаркий юг.

На заключительной части этой фразы адмирал хмыкнул и поморщился. Вот и сам неосознанно на те же самые грабли наступил... Воистину, с кем поведешься... Ну да ничего, подумаешь, ляпнул. Александр Васильевич свой, дальше этого кабинета сей ляп не поползет.

– Да никак и вы тоже по стезе предсказаний пошли, дражайший Николай Оттович?

– Так вы еще не знаете? После награждения и признания заслуг перед Отечеством Сергею Викторовичу канцелярией его императорского величества выдано предписание отбыть в Севастопольскую авиационную школу. Убирают нашего протеже из столицы, с глаз подальше, из сердца вон...

– Почему не к нам? Странно. Впрочем, может, оно и к лучшему? В Крым-то? – пробормотал Александр Васильевич.

– Может, и так, – услышал это бормотание Эссен. – До меня дошли настойчивые слухи, что ближайшее окружение государя увидело в нем второго Распутина. И наше с вами командование там, «под шпилем», с удовольствием подхватило эти... М-м... Сплетни... Очень уж напугало некоторых его стремительное и неожиданное возвышение. Поэтому вы правы, уважаемый Александр Васильевич, лучше ему будет сейчас держаться от столицы подальше. Побудет в Крыму месяц-другой – глядишь, слухи и улягутся, а наши генералы и адмиралы очередной орден себе навесят да успокоятся...

Эссен вернулся в кресло, выпрямил спину, жестом показал собеседнику присаживаться. Протянул руку, подхватил карандаш. Покрутил его пальцами, положил на прежнее место и поднял глаза. И медленно, но отчетливо начал говорить, не сводя глаз с собеседника.

– Что же касается лично меня... Откровенно признаюсь, я на улице отныне без шерстяной поддевки не выхожу. Вот так-то! Имеющий уши да услышит! И примет необходимые меры, Александр Васильевич...

– Все-таки запомнили, Николай Оттович? И поверили?

– Запомнил. Ну а кто бы на моем месте не запомнил бы этакое? Тут уж лучше поверить, чем из-за простого упрямства дело всей жизни завалить. Да, Александр Васильевич, спешу вас по-дружески уведомить. Мне тут надежный источник на ушко нашептал – ждет вас новая должность. Наконец-то наверху решили удовлетворить ваше прошение и утвердить мое назначение вас командиром полудивизиона эскадренных миноносцев. Это пока только слухи, самого приказа еще нет. Поздравлять пока не стану, чтобы раньше времени не взглянуть, но... Рад, рад

за вас. Заслужили. – Лукаво улыбнулся в бороду Эссен. Теперь Александр Васильевич точно про ляп забудет. Потому что ни разу он не проболтался, а дозированно нужную информацию сослуживцу выдал. Умному и этого довольно. Да и для себя явная польза...

Глава 1

Неделя перед отлетом из столицы пролетела быстрым кречетом. Или соколом? Короче, пролетела так быстро, что и отдохнуть-то толком, и расслабиться, как положено пусть в кратковременном, но все равно отпуске, по-настоящему не удалось. Только-только вроде бы как закончилось наше награждение, еще звенят в ушах мелодичным хрустальным звоном бокалы с шампанским, а я уже стою в зимнем утепленном комбинезоне на аэродроме у своего верного «Муромца» перед выстроившимся в одну шеренгу экипажем. Раздаю предполетные указания и готовлюсь к вылету. Церемония эта у нас давно отработана должным образом за многие и многие разы и оттого проходит быстро и без каких-либо непредвиденных задержек.

Закончится погрузка, осмотрю самолет, проверю швартовку груза и будем взлетать. В утреннем морозном воздухе звонко потрескивают остывающим металлом прогретые моторы, а мы затаскиваем в салон последние бочки с готовой горючей смесью. Генерал Ипатьев так и не придумал никакого названия для своего нового детища, оставил прежнее, полученное в процессе самого первого изготовления. Какое? Да такое! Просто горючая смесь. «ГС». И все. Только в этой партии состава циферка в конце этой короткой аббревиатуры поменялась с единички на двоекку.

М-да... И насчет того, что это именно мы эти бочки затаскиваем, я снова погорячился. Нам это делать по Уставу и новому Наставлению не положено. Для подобных работ отныне есть специально обученные люди из аэродромной команды и приданной ей заводской бригады грузчиков. Вот они и закатывают по доскам эти самые бочки, гори они синим пламенем. Даже наш технический состав к этому делу не привлекается. Нет, случись подобный аврал где-нибудь на внебазовом аэродроме, и никуда бы мы не делись – впахивали бы как те самые полковые лошади и горбатились бы на погрузке во всю мощь своих далеко не лошадиных мускулов. Слава богу, что мы не на внебазовом...

Тьфу ты! Да что у меня за мысли такие? Особенно про «гори синим пламенем» перед полетом? Нет, гореть-то они пусть горят, но только не на борту, а где-нибудь на земле, после сброса по очередной вражеской важной цели.

Почему тогда я так бурчу? Да потому что предлагал отправить этот груз по железной дороге. Так ведь нет! Начальство уперлось. «Отправить-то мы его отправим, но и с собой вы немного смеси возьмете. На всякий случай», – выдал мне окончательное распоряжение порученец великого князя. Какой такой всякий? Перестраховщики! Все равно ведь придется на месте обязательно дожидаться отправленных той же дорогой заводских контейнеров с необходимым нам в Севастополе оборудованием. Каким? А никто кроме меня об этом грузе пока и не знает. Надеюсь, и дальше не узнает. Лучше бы я вместо бочек с собой механиков взял. А везти их в грузовой кабине вместе со столь опасным грузом не положено. Поэтому и будут они добираться до Крыма своим ходом. Железной дорогой то есть.

Теперь в очередной раз инструктирую свой экипаж. Еще раз напоминаю правила поведения личного состава в полете с опасным грузом на борту. Горючая смесь еще какой опасный груз! Лучше бы было ее все-таки железной дорогой отправить, потому как сейчас она, железка эта самая, работает стабильно, и перебоев в деятельности подвижного железнодорожного состава нет. Подумаешь, чуть дольше до Крыма «ГС-2» добираться будет. Зато потом все вместе придет. Вместе с остальным грузом, имею в виду. Все равно те задачи, что передо мной поставлены, мы сразу не сможем выполнить. Осмотреться нужно, оглядеться на месте, подходит ли аэродром Качинской авиашколы для наших целей. Несколько дней все равно на это уйдет. Или недель. Насчет «дней» я все-таки погорячился, днями тут не отделаешься. А там и лететь можно. Задание выполнять. Какое? А это до определенного времени составляет военную тайну. Слишком высоки ставки в Ставке. Каламбур получился, однако.

Предварительная разведка? Ни в коем случае! Придется вот так сразу лететь и бомбить. И уже по ходу пьесы или по факту же, так сказать, ориентироваться. Если только местное жандармское управление сможет заранее чем-нибудь помочь по своей линии. Наверняка ведь какая-нибудь разведка у них должна быть? Недаром меня так настойчиво Владимир Федорович Джунковский наставлял и инструктировал перед вылетом. «Мол, первым делом объявиться в местном, так сказать, филиале жандармского корпуса». Объявлюсь, куда я денусь... Только не первым, первым я своему непосредственному командованию представлюсь, а вот вторым... Вторым обязательно. У меня никаких предубеждений к этому корпусу нет. А даже как бы наоборот. И к командующему Черноморским флотом на прием записаться не забыть. По-другому никак...

Сначала удивился, про себя, само собой. Ну, когда о своем новом задании узнал. И о пристегнутом под него назначении. К чему такие сложности? Подумал и согласился с озвученными требованиями. Да, лучше так и сделать. Если всю предварительную подготовку начинать из столицы, то сведения о готовящейся операции быстро к противнику утекут. А нам подобного не нужно...

Хорошо хоть весь экипаж после отпуска в сборе. Все целы, никого мы не потеряли, хотя и была у меня на этот счет в отношении кое-кого некоторая опаска, все готовы Родине служить. И на одну огневую точку у нас на борту стало больше. Отныне среди нас мой давний товарищ Миша Лебедев. Это я про себя его так называю, наедине или в полете еще можно обратиться по имени, а если официально и на земле, то только «господин вахмистр». И по-другому никак.

Все, опасный груз в кабине, довольные быстрой работой «грузчики» плотным строем направились прочь от самолета. Теперь можно и нужно проследить за его швартовкой, убедиться, что все мои указания по его креплению в точности выполнены, а затем начинать готовиться непосредственно к взлету. Да второму пилоту все эти тонкости с грузом обязательно показать и объяснить. Пусть набирается опыта, не все же время ему помощником летать. Когда-то и на левую чашку пересаживаться придется...

Запуск моторов, короткое руление на старт и взлет. Нагруженная машина отрывается от земли, разгоняется и медленно начинает набирать высоту. Тут же следует доклад бортового техника об отсутствии смещения груза после взлета. И о порядке в грузовой кабине. Это лично мои новшества, привнесенные еще из той жизни. Распространяю их потихоньку.

Остается внизу городская одноэтажная окраина, проплывают под крыльями пригороды. На улицах здесь почти пусто, усилившийся морозец разогнал жителей по домам. Лишь серые столбы дыма из печных труб говорят о том, что внизу теплится какая-то жизнь.

Карабкается в стылое небо, гудит моторами на всю округу словно рассерженный шмель, самолет. Стараются новые российские двигатели нашего собственного производства, тянут вперед тяжелую машину. Короткий удар правой ладонью по штурвалу, подмигиваю скосившему на меня глаза помощнику и передаю ему управление. Команда эта у нас четко отработана, здесь даже слова лишние – не в первый раз мы с ним прибегаем к подобной процедуре.

Владимир Владимирович Дитерихс, наш правый пилот, кивает и берет управление в свои твердые руки.

А я оглядываюсь назад, осматриваю грузовой отсек через открытую дверку кабины экипажа. Груз на месте после взлета, смещения нет, все в порядке. Доклад докладом, но и своими глазами глянуть не помешает.

Федор Дмитриевич, наш Штурман с большой буквы «Ш», задает новый курс. Сколько с ним вместе в небе уже часов налетано, и ни разу он с курса не сбился, ориентировку не потерял. Второй пилот подтверждает вслух полученное указание и плавно выполняет правый разворот. Мы летим на юг.

Высоко забираться не стали. Пробили облака и заняли высоту в две тысячи метров. Под нами верхняя кромка, летим, словно по белой перине идем. Скорость практически не ощущается. Пока так и пойдём. Начнет облачность подниматься, тогда и мы вверх подскочим.

Часа три можно так идти, а дальше облака должны пропасть. По крайней мере, так нас уверили метеорологи перед вылетом. Да, у нас все по-взрослому – перед вылетом мы со штурманом посетили метеостанцию, получили прогноз погоды по маршруту и в пункте посадки. А первая посадка у нас намечена в Смоленске.

Нет, можно было бы напрячься и пролететь чуть дальше, например, до Гомеля, но... Всегда есть какое-нибудь «но». Вот и у меня оно имелось. Ну не хотелось мне больше семи часов в небе болтаться. Нет, все понимаю. Мол, летчик только небом и живет. Да ему по земле ходить не в кайф... Бред все это. Всего должно быть приблизительно поровну. И неба, и земли. Работы и отдыха, прозы жизни и воздушной романтики. Все остальное сказки. Да и втягиваться в летную работу нужно постепенно. Да еще после такого напряженного «отдыха». У меня после повторяющейся изо дня в день беготни по мастерским и заводам, после лётного застывшего зимнего поля, после шумной молодежной лаборатории перспективных конструкторов с известными мне одному в будущем фамилиями просто ноги отпадали к ночи.

И ни на какие глупости времени не оставалось. Под глупостями я развлечения понимаю. Впрочем, как уверял меня Игорь Иванович, на курорте я все наверстаю. Под курортом он Севастополь подразумевал. Шутил, само собой, успокаивал. Это и слону понятно. Так что нечего насиловать измученный недельным «отдыхом» организм, и будем все-таки рассчитывать посадку в Смоленске. Тем более, нас там должны ждать. Телеграфировали-то мы о прилете загодя.

Зимний день короток. Садись в стремительно набегающих на землю сумерках. Хорошо хоть посадочная полоса была расчищена от снега и обозначена тусклым светом фонарей.

А дальше зачехлили остекление кабины и моторы, сдали самолет под охрану, ну и разобрались с нашими дальнейшими действиями на сегодня. От провожатого отказались, достаточно устных объяснений. До ближайшей гостиницы-то рукой подать. Всего-то пару кварталов пройти. Извозчик? На такую ораву он не один потребует. Да и нет их поблизости, не сориентировались смоленские «таксисты», не подкатили к аэродрому за свалившимся с неба заработком. Ну да ничего, дошли и нашли. Устроились, заказали себе тут же в ресторане поздний ужин, после которого неотвратимо потянуло в сон. По крайней мере, меня точно потянуло. Сказалась неделя недосыпа. Поэтому долгожданный отдых будет кстати. И завалился я в кровать, несмотря на ранний час, с превеликим удовольствием, выставив прочь из комнаты нежелающих настолько рано отбиваться остальных членов экипажа. Не хотят спать, так пусть мне не мешают. А дело им мой помощник враз найдет...

Утро в Смоленске выдалось морозное. Снег пушистый, легкий, под теплыми сапогами поскрипывает, на солнце мелкими алмазами сверкает, глаза слепит. Холодно, щеки сразу прихватило. А настроение после чашки горячего крепкого чая прекрасное, хоть пей. Изо рта с каждым выдохом белые облачка пара вылетают, на пушистых воротниках и кашне седым инеем оседают. Усы у народа враз побелели. Папаху бы поплотнее на уши натянуть, да гонор авиационный не позволяет подобного – приходится терпеть и мерзнуть. Ну да ничего, тут недалеко.

Огляделись на выходе – пусто, извозчиков нет от слова вообще. Да что это за город такой?! Вчера никого не выловили и сегодня пусто! Придется своим ходом топтать. Только отошли шагов на «дцать» от гостинички, как мимо с лихим посвистом в клубах снежной пыли пролетел первый из них. И, к сожалению, он был занят. Потому и несся по улице так шибко – с разлетающимся в стороны от саней легким снегом. Второго, мчавшегося буквально следом за первым, нам удалось остановить. Вернее, тот сам остановился прямо напротив нас. Только рано мы обрадовались. Откинув в сторону меховую полость, так что она даже на противопо-

ложную сторону в снег свесилась, наружу выкарабкался закутанный в громоздкий тулуп фотограф, быстро установил на треногу аппарат, навел на нашу дружную группу объектив и, ни слова не говоря, ширкнул магниевой вспышкой в глаза. Пока мы молча, заметьте, отмаргивались, этого ушлого журналиста и след простыл. Ни треноги, ни саней. Остался только крепкий запах лошадиного пота в воздухе и аккуратная парящая кучка конских яблок в снегу. Больше мы на пролетающих мимо извозчиков не реагировали – хватит с нас печального опыта. И куда они все так несутся? Не на пожар, надеюсь? Потому что как раз в той стороне наш самолет. Но черного густого дыма не видно, что несколько успокаивает и снижает степень тревоги.

До самолета добрались быстро, всего-то минут двадцать быстрым шагом пройти пришлось. Потому как и холодно, и разыгравшаяся в глубине души тревога не на одного меня повлияла, заставила нас всех неосознанно ускориться. Ф-ух, все на месте. И самолет наш, и аэродром местного авиаотряда.

И, несмотря на раннее утро и морозец, на краю поля столпилась небольшая группа любопытных граждан. Понятно теперь, куда все так спешили. Прилет такого монстра в город все-таки большое событие, и без внимания оно не осталось. Даже еще фотографии есть, кроме того самого наглого, нам знакомого. Вспышками шипят, клубы белого дыма в небо выпускают. Какая может быть вспышка в этокое солнечное утро? Позасвечивают же свои пластины. Дань традициям, похоже...

Пробились через плотную толпу, вышли на первую линию зрителей и тут затормозили. Не пустили нас дальше, не положено. Оцепление из солдатиков выставлено. Хорошо, что у нас начальством заранее была согласована посадка на аэродроме местного авиаотряда. Пригодился караул. Иначе самолет нам любопытные горожане точно покоцали бы, да на сувениры разобрали. Пришлось дожидаться старшего офицера. Ну да тот не задержался – все рядом находится. Недоразумение сразу же разрешилось. Единственное, пришлось уносить за оцепление ноги в ускоренном темпе – публика очень уж здесь оказалась любопытная. Насчет всех в этой толпе не скажу, а вот насчет окружающих именно нас – точно так. Едва не затоптали. Впрочем, это вполне может быть и не любопытство, просто люди таким вот образом греются...

Стянули с кабины и моторов промерзшие за ночь чехлы, кое-как их свернули, обмяли, засунули в проем грузового люка. Жаль, стремянок у нас нет. Нижние плоскости мы от нападавшего за ночь снега обмахнули, а вот до верхних не достать. Ну, сейчас моторы запустим, может быть, воздушным потоком все то, что за ночь нападало, и поддует.

Конечно, некий мандраж при этом действе и вполне понятная опаска присутствовали. А ну как после еще более морозной ночи не запустятся двигатели? Масло-то наверняка загустело. Придется тогда что-то придумывать, отогревать замерзшее железо. Но обошлось. Провернули винты, запустили моторы поочередно – пыхнуло густым белым дымом из выпускных патрубков. Обороты неустойчивые, кашляющие и чихающие, того и гляди, что винты отвалятся. Вибрация такая, что нижняя челюсть прыгает. Но нет, обошлось – начали выравниваться обороты, затарахтели, зарычали довольно движки, уверенно освобождаясь от сковывающей стылости. И вибрация постепенно пропала.

Толпа неподалеку оживилась, зашевелилась возбужденно. Сам знаю, что красивое зрелище, впечатляющее – от четырех пропеллеров за хвостом сверкающее на солнце снежное облако поднимается. Жаль только, нам его никак не увидеть. И с верхней плоскости снег белой пылью слетел, это-то я сразу успел в боковое чуть обмерзшее стекло заметить. Потому как взлетать с обледеневшим или заснеженным крылом чревато. Пошел прогрев – затарахтели на устойчивых оборотах моторы, перестали «плавать». Управление проверили, все работает, рули и элероны отклоняются нормально – нигде ничего не прихватило морозцем.

И в кабине потеплело – включили отбор горячего воздуха от двигателей. Только не будем торопиться со взлетом – пусть сначала стекла оттают от изморози и внутри хоть немного потеплеет. Да и запотели они дополнительно, по мере повышения температуры в салоне. Это мы еще

молодцы, что вчера после полета кабину зачехлили, а то сейчас пришлось бы нам со стекол лед и снег соскабливать.

Готовы? Экипаж поочередно доложил о готовности к вырубанию и взлету. Осталось только «карту» зачитать, да нет пока такой у нас, не «придумал» я ее. Время потому что не пришло. Все предполетные действия можно в несколько пунктов уложить. Вот будет в кабине приборов побольше, тогда и перейдем к этому нововведению.

Дали с помощником отмашку провожающим. Нет, все-таки хорошо на своих базовых аэродромах – народ там понимающий, сразу бы в стороны по этой команде разбежались, добро бы на вырубание дали. А здесь любопытствующий народ так на одном месте и остался. Еще не знают, что такое тяжелая многомоторная техника. Сейчас и узнают, познакомятся на своем опыте, так сказать, на личном. Мысль схулиганить промелькнула и тут же ушла – не лето, зима на улице.

Придется чуть дальше по прямой прорубить и уже там развернуться на взлет – не хочется людей лишний раз снегом засыпать и ветром из-под винтов морозить. Хотя-а... Может, они как раз именно этого и ждут? Вновь всплыла мысль созорничать. Они же сюда за яркими впечатлениями пришли? Тогда...

И я добавляю обороты моторам и разворачиваюсь в сторону взлетки. Ощущаю справа за плечом теплое дыхание, оборачиваюсь – Миша. Лыбится во все свои... Сколько там у него зубов? Вот во все и лыбится. Довольный такой, да еще и мне большой палец показывает. Смолен даже оглянулся, зыркнул раздраженно – отвлекает, мол, мешается, под руку лезет. Я бровь в немом вопросе поднял.

– Всех снежной пылью засыпали. Народ даже разбежаться начал, – правильно понял мой немой вопрос Лебедев, наклонился ближе и прокричал на ухо.

Инженер умудрился услышать, глянул на него искоса, дернул усом. Мол, нашел чему радоваться...

Ну и я чуть заметно усмехнулся, качнул головой назад. Миша понял, скрылся за спиной.

По свежевывавшему снегу колеса катятся мягко, самолет словно плывет по белому морю. Хорошо хоть напало его за ночь немного, иначе бы взлетать не рискнул. А так ничего, разогнались, оторвались от земли. Глянул искоса влево вниз – из-под крыльев назад и в сторону снежные вихри уходят. Вот мы и взлетку расчистили, все местным работы меньше. Прощай, Смоленск!

Через час после взлета вся хмарь осталась за спиной. Небо полностью очистилось от облаков. Оно здесь даже на цвет совсем другое, пронзительное до синевы и высокое-высокое, не такое, как у нас на северо-западе...

Гудят моторы, наматывают на винты версты и километры, уплывают под крылья деревушки и села, города и городишки. Где-то далеко справа остался Киев, вот-вот впереди должен показаться Днепр. Снега внизу все меньше, а населенных пунктов все больше. Воздух плотный, самолет идет ровно, словно по ниточке. Не шелохнется. И никого в небе – пусто. И в эфире тишина. Пробовали связаться по радио с землей – на запросы никакого ответа не получили. Для меня подобная ситуация со связью так вообще что-то необычное, до сих пор привыкнуть не могу. Сколько я уже здесь? С весны прошлого года. Воспоминания о тех днях настолько свежи в памяти, словно вчера все произошло.

Да какое там вчера! Только что! Даже глаза прикрывать не нужно – достаточно отпустить на волю чувства, ослабить самоконтроль, и сразу же память начинает отщелкивать цветные картинки еще из той, прежней жизни, закручивает перед глазами калейдоскоп совсем недавних событий. И снова я пытаюсь удержать в воздухе гибнущий тяжелый самолет. Вновь летит в лицо земля, медные стволы раскидистых сосен... И все...

Затем кино в моей голове встает на паузу, потом экран вспыхивает вновь, но уже показывает совсем другие, черно-белые кадры. Проводить аналогию с кино проще – так легче принять все произошедшее.

А потом госпиталь, осознание себя в чужом теле, в другом времени и затянувшееся выздоровление. Потому как попала моя душа или сознание (сам в этом не разобрался, скорее всего, и то, и другое вместе) после катастрофы в тело поручика Грачева. Летчика Псковской авиароты, как раз точно в этот же момент потерпевшего аварию на своей летающей «этажерке». И, судя по тому, что я здесь, этой аварии не пережившего. А, может, у высших сил была какая-то другая, своя собственная цель, для исполнения которой меня и перекинули через десятилетия, из конца двадцатого века в его начало, на самый порог Первой мировой? Не знаю и гадать не собираюсь. Выпал мне шанс остаться пусть и в чужом теле, но живым – так и постараюсь им воспользоваться в полной мере. Буду жить за всех ребят. А вот что при этом буду делать? Сразу, в первые моменты, точно не определился. Ускорить прогресс? Изменить историю? Полноте. Где я и где эта история...

Но и сидеть «на попе ровно» не получилось, как собирался сделать в самом начале своего «попаданчества». Потому что страшно было – кругом все чужое. И все. И не стесняюсь этого чувства. Потому как справился с собой, пересилил страх, осознал свое место в новом окружении, в новой реальности. Начал шевелиться.

Пришлось и полетать, и повоевать, и, конечно, кое-что кое-кому подсказать. А иначе и быть не могло. Все равно отсидеться в сторонке не получилось бы. Несмотря на сохранившуюся память реципиента, благодаря которой я практически безболезненно вжился в окружающую меня эпоху, все равно светился я среди местных, как та самая пресловутая лампочка Ильича. М-да, некорректное сравнение. Лампочка та была очень уж слабенькая и света давала всего ничего. Или... наоборот? Корректное? Все-таки не историк я и не... Вот именно. Этих самых «не» слишком много набирается.

Но все равно что-то смог подсказать, сделать, благодаря своему опыту военного летчика совсем другой эпохи. Ну хоть что-то свое. И опять же благодаря этому опыту удалось познакомиться с кое-какими значимыми людьми. Заинтересовать их своими идеями и новшествами. Привираю, конечно, не мои это идеи, я их нагло уворовываю у будущего. Ну и что? Не для себя же стараюсь, для других. Стоп! Куда это меня понесло? На возвышенное потянуло? Охолонуть бы мне нужно, остыть и притормозить. И хотя бы себе не врать. Само собой, стараюсь в первую очередь для себя и только потом для державы, как бы и чем бы я себя ни оправдывал. Другое дело, что одно с другим отныне неразрывно связано...

Наклонился вперед, прерывая воспоминания и высматривая ленточку Днепра впереди. Нашел, немного осталось. Еще минут десять-пятнадцать, и мы над рекой будем. Развернулся к помощнику, а он карту на коленях держит, визуальную ориентировку ведет. И счисление пути, надеюсь. Хотя что его счислять? Выход на цель по времени нам не нужен. Единственное – не заблудиться бы. Но в таких условиях заблудиться – это хорошо постараться нужно. Все время вдоль реки летим. Не так давно развилку прошли. Теперь слева Донец остался, справа в стороне где-то Днепр. Невозможно заблудиться. Если уж совсем ослепнуть. А наша линия пути скоро с руслом Днепра пересекается. Вон какой прекрасный линейный ориентир перед нами. А дальше еще лучше будет – береговая черта с ее весьма и весьма знакомыми характерными очертаниями. Да и штурман у нас на борту есть. Так что никуда мы не денемся – долетим куда нужно. Топлива по расчетам хватит, даже останется в баках кое-что после посадки. Это на всякий непредвиденный случай заправили лишку. И погода отличная по маршруту. Ну и там, на месте, не должна подкачать. Да и как она может подкачать, если вокруг миллион на миллион и впереди все чисто до самого горизонта?

Вернулся к своим воспоминаниям. Что еще такого особо важного произошло за эти полгода с хвостиком? Отличился в пилотировании, привлек к себе внимание командования и

умудрился этим вниманием в должной мере воспользоваться. И так кстати выпавшим мне шансом прокатить инженера-инспектора из адмиралтейства, из-за поломки своего самолета, оставившегося в Пскове. Через генерала Остроумова вышел на адмирала Эссена. А дальше усовершенствованный мною самолет, который так всем специалистам понравился своими летно-техническими данными, что все эти изменения тут же (с моего разрешения, само собой) начали применять на новых машинах. После оформления нужных патентов, конечно. На заводе последовало знакомство с Нестеровым и Крутенем, уже знаменитыми русскими летчиками-асами, разговор по душам с продолжением в ресторане. И в результате Петр Николаевич прекрасно сейчас себя чувствует. Летает и воюет. Да, пулеметы с моей подачи начали устанавливать на самолеты с самого начала боевых действий. Может быть, именно поэтому и не пришлось Нестерову идти на свой вынужденный знаменитый таран? Справился и без него на отлично. И, самое главное, вроде бы как летчики уже начали пользоваться привязными ремнями. Сначала у нас в Псковской авиароте, потом на Московском заводе, а там, надеюсь, и дальше новое веяние распространилось. А всего-то привел вовремя несколько подходящих примеров, да и на своем личном опыте всю пагубность отсутствия ремней показал. Голова-то у меня хоть и зажила после той самой катастрофы, но длинный рваный шрам во весь лоб так и остался...

Да, самое главное! Я же обстрел Либавы предотвратил! Воспользовался очень удачно своими воспоминаниями. И в нужное время оказался в нужном месте. Несколько изготовленных в мастерских за собственные сбережения авиабомб, пулемет на борту... И неожиданная для всех самоубийственная атака оказалась настолько успешной, что два немецких крейсера ушли несолоно хлебавши. А по одному из них бомбы легли настолько удачно, что вызвали у него на корме взрыв подготовленных к установке морских мин.

В этом бою моего стрелка-наблюдателя ранили...

Заметили нас, само собой, награды последовали. А, самое главное, на слуху оказался.

Развитие авиации подстегнул – удалось наладить тесный рабочий, а потом и дружеский контакт с Сикорским. Ненавязчиво подсказал кое-что, а дальше пытливый ум изобретателя и сам сориентировался – попер вперед, только успевай в правильных местах поправлять в нужную сторону. И идеи подкидывать. А идей этих у меня столько, что ого-го! Главное, что все в тему. Так и подкидываю до сих пор понемногу. В совет директоров завода вошел со своими идеями...

Встряхнулся, вновь прерывая на короткое время воспоминания, глянул вниз. Ленточка Днепра чуть-чуть ближе стала. Тихоходные пока самолеты. У нас скорость около ста двадцати сейчас. Можно бы и добавить немного, но не хочется моторы насиловать. Моторы-то у нас теперь свои. Начали недавно собирать. Производство пока слабое, денег на все не хватает, а от государства помощи не дождешься. Это еще хорошо, что Игорь Иванович Сикорский заслуженный авторитет уже имеет и благодаря этому авторитету кое-какие деньги из казны на развитие завода умудряется получать. Ну и конечную продукцию продаем, как же без этого. Заказ на самолеты имеется...

Нет, обороты двигателям добавлять не будем. И так хорошо. Нам на этих моторах еще столько полетать предстоит, что лучше их сейчас побережь. Ресурс-то невосполняемый в этих условиях. Или на завод возвращаться для их переборки, или менять на новые. А это все время и деньги. Так что лучше тише, но для всех лучше. Подумаешь, на полчаса позже прилетим. И расход бензина, если добавим, опять же сильно увеличится. Лучше уж так, потихоньку.

Откинулся на спинку кресла, вернулся мыслями к недавнему разговору с Джунковским в Екатерининском парке Царского Села...

– Сергей Викторович, еще раз напоминаю – с выполнением задания не затягивайте. Сразу же по прибытии записывайтесь на прием к адмиралу Эбергарду. Сопроводительные бумаги чуть позже получите. С ними вам будет проще найти с адмиралом общий язык. Да, груз по железной дороге мы уже отправили. Я лично проконтролировал.

Не удержался, глянул в лицо Владимиру Федоровичу. Неужели лично?

– Ну, не совсем лично, – правильно понял мой взгляд и мои сомнения Джунковский. – Но об отправке вагонов мне уже доложили. На месте груз примете, с хранением и охраной определитесь, и дожидайтесь команды. Забот на первое время вам хватит. А дальше будет видно. И напоминаю, Андрей Августович Эберггард человек прямой, отличный офицер и большой умница. Уверен, вы с ним общий язык найдете. И рекомендательные письма адмирала Эссена на первых порах вам помогут. А дальше от вас все будет зависеть.

Помолчал значительно, словно давая мне время хорошо осознать только что сказанное, и продолжил:

– Еще раз прошу, Сергей Викторович, не затягивайте с выполнением личного поручения государя. Сами же знаете, что у нас в войсках творится. Да и немецкая разведка не дремлет. И турецкая, кстати, тоже.

– А наша контрразведка? – не удержался я от вопроса.

Джунковский даже приостановился на мгновение, глянул искоса вполглаза и хмыкнул:

– Наша тоже не дремлет, – ответил этак весело, словно гвоздь-сотку в дубовую плаху с одного удара вбил. И с укоризной продолжил: – Сергей Викторович, ну что вы как маленький?

– Прошу прощения, Владимир Федорович, постараюсь не задерживать.

– Постарайтесь, а то слухи о вашем прибытии в Крым быстро до Босфора долетят.

Вот в этот-то момент и вынеслась из-за поворота шальная упряжка разгоряченных коней, запряженных в тот самый крытый возок на санном ходу, сбила Джунковского с мысли, заставила отступить на обочину в снег. Отпрыгнуть то есть, чтобы под копытами да полозьями не оказаться. Ну и я вслух да от всей своей широкой души свое отношение к подобному хулиганству во весь голос высказал. Нет, понятно сразу, что не каждому вот так свободно будет позволено по парку носиться да хулиганить. Наверняка же это кто-то из власть имущих, а все равно выругался. Потому что нечего! И ладно бы я один был, так ведь нет. Со мной тоже человек далеко не последний и не простой. А эти в санях словно берега потеряли, носятся во весь опор, между прочим, по пешеходным дорожкам, добропорядочных горожан и граждан конями затоптать пытаются...

Вылезли из сугроба, отряхнулись, посмотрели друг на друга и оба рассмеялись.

– Да, Сергей Викторович, мы тут прожекты строим, о высоком мыслим, о судьбе империи что-то с вами лопочем, а нас мимоходом и на обочину... Да в снег мордами...

Только руками и развел в стороны. Что тут в ответ скажешь.

А хорошо я в воспоминания ударился. Так за воспоминаниями Днепр и прозевал? Не заметил. Ну и ладно, не очень-то и хотелось на него сверху посмотреть. Увижу еще не раз. Зато время пролетело. Впереди уже и береговая черта показалась. И море. Море...

Хотя до него еще далеко, и ничего особо не видно, кроме уходящей в небо и сливающейся с ним где-то далеко-далеко огромной сине-серой равнины. Но и это впечатляет, ведь воображение же работает на всю катушку. Даже запах вроде бы как ветром донесло – ноздри предвкушающе расширились, втянули в себя запах водорослей и йода. Умом понимаю, что все это игра воображения, нет никакого запаха, а вот сердцем я уже там, на мокром от волн берегу. И, пока еще есть время, снова окунулся в воспоминания...

– И еще одно, Сергей Викторович. Даже не одно, а... Вы почему в церковь не ходите?

И не знаю, что в ответ сказать. Как-то я этот момент упустил. Только руками в ответ и развел.

– Веруете?

– Верую, – уж в этом-то я точно уверен.

– Тогда настоятельно вам рекомендую не откладывать посещение церкви. К вам и так слишком много внимания приковано, а после награждения этого внимания будет еще больше. Опять же слухи уже ходят разные, и не нужно давать лишний повод злословящим о вас.

– Я вас понял, Владимир Федорович.

Потому что действительно понял. Даже подосадовал на это свое упущение. Мог бы и сам сообразить и не дожидаться подсказки. Поэтому сегодня же и исправлю это свое упущение, посету храм. Только подумать нужно хорошо, какой именно. Чтобы и заметили, и слухи быстрее подзатихли. Местный? Или столичный? Подумаю еще. Времени до вечера хватает.

– Хорошо, Сергей Викторович. И еще одно. Пожалуй, самое для вас главное. Авиароты у вас пока не будет. Нет, она будет, но лишь на бумаге, – заторопился Джунковский, приостановившись вместе со мной. – Вы же сами понимаете, что у нас пока ни самолетов столько нет, ни людей. Мы даже эскадру Шидловского не успеваем укомплектовать должным образом. Так что потерпите, голубчик, потерпите. Все у вас будет. Но позже. А пока так даже лучше. Должность сия подкрепляет и ваше звание, и ваши награды. И вам удобнее. Хлопот же меньше! А людей для себя там и готовьте. Высочайшим Указом это будет разрешено...

И вот уже заходим на посадку в плотных вечерних сумерках, под самую темноту. И, как уже привыкли, без какой-либо радиосвязи с землей. Чудом, но все-таки успели сесть. Садиться в ночи не рискнул бы – аэродром незнакомый, мало ли что? А вдруг летное поле не подготовлено к ночному приему самолетов?

Так что нам повезло. Сели нормально, в воздухе ни дуновения – ветра нет, штиль, штиляра. Нас хоть и ждали, но явно не в такое позднее время, и уже, похоже, потеряли надежду на наше прибытие. Наверняка решили, что мы где-то заночевали, а прилетим уже завтра. Потому что внизу никого, пусто.

И как ни хотелось пройти над городом, но пришлось садиться с ходу, с рубежа снижения. Ничего, успею еще похулиганить, себя и самолет показать и на город сверху посмотреть. Потом, когда все закончится. Зато пока хоть на немного сохраним наше прибытие в секрете. Хотя-а, какой тут секрет, до окраины Севастополя всего ничего, все равно жители рев моторов услышат. Если только садиться и сразу после посадки двигателя выключать... Так и сделал.

Глиссаду сделал покруче, чтобы обороты держать поменьше. И угол посадочный получился очень уж большим, даже в первый момент испуг по спине мурашками проскочил – как бы заднее колесо не обломать... Но обошлось. И больше таких экспериментов ставить не буду. Случись какая поломка, и кто мне здесь самолет починит? Может, и есть такие умельцы в местных мастерских, но я-то их пока не знаю.

Крымская земля толкнулась в ноги, стукнули гулко колеса по твердому укатанному грунту, машина чуть подпрыгнула, оперлась на крылья, плавно уместилась на три точки. Зашелестели винты в почти полной тишине. Почти, потому что колеса по грунту гудят. А так да, тихо. Моторы-то мы сразу выключили после окончательного касания.

Пока совсем не остановились, отвернул в сторону, к темнеющим силуэтам аэродромных ангаров. Покатился и не докатился, остановилась машина окончательно на полпути, замерла. И чуть заметно откатилась назад, буквально на сантиметры, словно выдохнула с облегчением после подзатянувшегося перелета. Ничего, дело уже, в общем-то, привычное. Особенно в последнее время. Только на «радиус» и летаем.

От тех самых ангаров замелькали огоньки, замельтешили в нашу сторону. Встречающие показали. Ну что, пора на выход?

Глава 2

С утра завертелось. Сначала первым делом выгрузили все бочки из самолета, определили их под замок в ближайший пустующий ангар школы. Пустующий – потому что самолеты здесь старые, ломаются слишком часто. Да и ресурс у техники выбивается очень быстро – летают с утра до ночи, а то и в ночь. Именно по этой причине и обратился с утра пораньше ко мне начальник караула с просьбой убрать наш аппарат с поля, дабы он «не мешал производству учебных полетов». Просьбе вняли, приступили к работе. А в этом процессе мне пришлось принять непосредственное участие, потому как рабочих рук не хватало. В отличие от загрузки, разгружаться пришлось самим. Говорил же – не на базовом находимся. Пока не на базовом. И еще неизвестно, станет ли Качинское летное поле нашим базовым аэродромом.

Так что пришлось засучить рукава и впрячься в разгрузку. «Катать квадратное, носить круглое». Шутка такая существует в авиации.

Или же можно было сидеть в сторонке в компании Смолина и Дитерихса и наблюдать со стороны, как младшие чины горбатятся на выгрузке под руководством нашего инженера. Картина, в общем-то, обычная для этого времени, насмотрелся я на подобное отношение к подчиненным выше крыши. Я подобных вещей никогда не понимал. И в нашем экипаже подобного никогда не будет. Будем подавать пример другим. Поворчат, покосятся, но запомнят. Глядишь, и еще что-то вокруг нас переменится...

Разобрались с грузом, перекурили, взялись за сам самолет. Перекатали его к месту определенной для нас стоянки. Не с грузом же его было перекатывать? Хорошо, что здесь грунт плотный, сухой, не то что в Петербурге. Там бы мы за ночь колесами, да под такой загрузкой точно увязли бы. А тут вообще без последствий обошлось, даже не верится. Влегкую перекатали. Как по «бетонке». Но с посторонней помощью, правда. Нашими силами можно было, конечно, справиться и с этим, но как-то надрываться не хотелось. А тут весьма своевременно и добровольные помощники объявились. Откуда они вдруг объявились и где так удачно до этого скрывались, непонятно. Но... Почему бы и не воспользоваться предложением? Интересно, где все они были, когда мы бочки катали.

Риторический вопрос. Кто служил, поймет.

Местные ангары для нашего «Илюши» несколько маловаты будут, разика эдак в два, поэтому пока ограничились стоянкой под открытым небом. Ну а затем, только после окончания всех работ, пошел представляться местному начальству, благо оно меня наверняка уже ждет. Взял с собой документы экипажа, надо же каждого из них на все виды довольствия поставить. Сам справлюсь, а у них сейчас послеполетная подготовка, совмещенная с подготовкой к повторному вылету. И дозаправка.

Вроде бы и все рядом, а идти пришлось далеко. Метров двести-триста по быстро поднимающемуся к зениту солнышку. Это у нас на севере еще зима, а здесь уже почти весна. Хоть и конец января, но пригревает не по-детски – пришлось несколько изменить первоначальные планы и сначала переодеться в летнее обмундирование. Хорошо еще, что все у нас с собой и особо форма помяться не успела. Позориться-то не хочется. М-да, вчера только щеки морозили...

Хорошо! Над Крымскими горами пролетали, так на них еще снег лежал, а здесь красота. Это не побережье Финского залива и не стывлые берега Невы. Как там говорили у нас? Еще в той реальности? «Южный берег Северного Ледовитого океана»... Нет уж, гораздо лучше пусть хоть и северный берег, но Черного моря!

Сегодня не утерпел, поднялся с утра пораньше и на берег сходил. Спустился на галечный пляж по крутой набитой тропке, прохрустел камешками под ногами, остановился у самой воды

– волна мелкая, прозрачная, на камни с тихим шорохом накатывает, до сапог только чуток не достает. Наклонился, положил ладонь в воду, пошевелил пальцами. Выпрямился, поднес руку к лицу, вдохнул соленую горечь морской воды и не удержался, лизнул пальцы. Действительно, горько. Оглянулся по сторонам – никого. Потому что солнце только-только собирается вставать. Вдохнул полной грудью с таким удовольствием, аж ребра захрустели. Воздух настолько густой – пить можно!

А дальше закрутило делами, снова события понеслись вскачь. Два дня непрерывной суеты. Казалось бы, ничего особенного – перелететь на новое место, встать на все виды довольствия, найти общий язык с местным командованием, не прогнуться под него и среди местных врагов не завести. Варяг я все-таки столичный, как ни крути. А столичных нигде не любят. Это я еще в своем времени четко усвоил. Слишком они какие-то... Такие... Столичные, короче.

Для проживания нам на следующий день определили отдельное помещение в одном из только что построенных каменных зданий. И на самом верхнем, втором этаже. Помещение просторное, потолки высокие, окна огромные. Красота! Светло! Только я при виде этой красоты как-то сразу о летнем жарком солнце подумал. Помрем же, задохнемся от зноя и духоты. Но пока можно до весны и здесь перекаптоваться.

Разделим помещение на перегородки, потому как никто не поймет, если, например, я в чине подполковника буду с младшими чинами в одном кубрике жить. Нонсенс. Не положено так. Даже невзирая на все мои «того времени» привычки. Экипаж экипажем, а от окружающего нас общества никуда не денешься. У меня пока и так с местным руководством образовались весьма непростые отношения. Косятся, на награды искоса поглядывают. Если бы не они, так мне вообще бы туго пришлось. И если я уже упоминал о своем якобы столичном происхождении, то тут еще и служебные интересы столкнулись, наложились одни на другие. Ведомственные. Хотя, казалось бы, подобного и быть не может, одно же дело делаем. А оно есть. Ведь мы у местных мало того, что помещения какие-то заняли, так ведь нас еще и кормить-поить нужно, на все виды довольствия ставить, обслуживать технику. Заправлять ее, в конце-то концов. А у нас не «Фарманы» и не «Блерио» с «Хамберами», мы бензина столько берем за один раз, сколько всей школе чохом можно целый день летать, да ночь прихватить. Я как раз в штабе находился, с местным начальством общался, когда к нему в ужасе начальник ГСМ после нашей заправки прибежал. А ведь у нас пока только один самолет. Что начнется, когда их будет хотя бы два...

Это еще мы не летаем, но ведь будем когда-то? Обязательно будем! Вот тогда-то недовольство до небес и вырастет. Скорее бы организовать. Наш-то техсостав по железной дороге добирается, сопровождает приданное нам имущество. И когда еще он прибудет? Неизвестно. Давать грузу зеленый свет, и этим привлекать повышенное к нему внимание столичное начальство не стало. Вот когда прибудет, тогда и начнем готовить и места под размещение самолетов, и под склады ГСМ, то есть топлива. И под многое-многое другое. И под личный состав, само собой. Я уже тут и местечко, подходящее подо все это, присмотрел, чуть подальше от занятой местными территориями.

Если коротко говорить, невзирая на несколько предвзятое к нам отношение, стараюсь «навести мосты» с местным командованием. Или, что вернее, с руководством школы. Пока есть такая возможность. Потому как мы еще у него и людей скоро планируем отнимать... Ох, чую, после такого вообще перейдем на «возвышенные обороты речи». Так вот и живем.

Ничего, прорвемся. А там обживемся, если задержаться в Крыму придется. Придут контейнеры, тогда нам будет куда временно переселиться. Или что-то более удобное и достойное для жилья подыщем, если сами себе не построим.

Да, а ведь если я не найду общего языка с местным начальством, то придется мне вообще другое место для нашей группы подыскивать, куда-нибудь перебазироваться. Под Симферополь, может быть? А почему бы и нет? Железнодорожный узел, дороги все туда идут. Потти-

хоньку отстроим аэропорт, наладим воздушное сообщение со столицей, начнем заниматься пассажирскими перевозками, зарабатывать... Ох ты, куда меня в моих мечтах занесло... Хотя почему бы и нет? А ведь есть еще и Джанкой, и будущее Багерovo. Но только что будущее. Нет, последние два места пока ничего из себя ценного не представляют. Ни дорог нет, ни... Да ничего там нет! Вот я распланировал, размечтался, а сам ничего своими глазами и не видел пока. Так что нечего раньше времени думать. Джанкой Джанкоем, а Симферополь для тяжелых самолетов любому самый лучший вариант, если в будущее заглянуть. Ладно, отложим пока эту мысль в сторону. Вот выполним то, для чего нас сюда послали, тогда и буду выходить на Александра Михайловича и Марию Федоровну со своим предложением. Только обосновать нужно будет все это грамотно. Подумаю еще.

Что за мысли в голову лезут? Конечно, найдем мы с местным руководством общий язык, никуда не денемся. За державу ведь все радеем! Но еще одну пометочку у себя в голове сделал...

А пока с местным командованием у нас, то есть у меня, установилось что-то вроде нейтралитета. Ни я им не нужен, ни они нас не трогают. Присматриваются. Хорошо выразился. А что? Палки в колеса не суют, уже хорошо. И даже помощь на словах обещали. Посмотрим. Мне сейчас самое главное с жандармами все решить. Насчет разведки на акватории Черного моря подсуетиться. Как и договаривались с Джунковским, в местное отделение я на следующий же день сходил. Съездил то есть. Теперь жду результаты этой нашей встречи. Как-то слишком медленно все делается, не спеша. Никуда никто не торопится. Не может же такого быть, чтобы специально тормозили. Чем дольше мы здесь находимся, тем больше вероятность, что утекут к туркам сведения о нашем прилете.

Одно утешает – в Севастополь въезд только по пропускам. Может, и сведения противнику о появлении в Крыму «Муромца» так быстро не уйдут? Только на это и надеюсь.

И на прием к командующему я записался. Только его пока нет. В море он. Придется некоторое время подождать. Но и оно еще терпит. Опять же контейнеры с нашим грузом еще не прибыли. Без него у нас ничего не получится. И без взаимодействия с флотом. Вот как раз и нужна для этого встреча с командующим.

Самолет у нас пока накрыт маскировочными сетями и по максимуму зачехлен. Издалека, от въезда на аэродром, и не разобрать, что это за серая куча на поле находится. Специально смотрел. Отныне наш стоящий под открытым небом аппарат перестанет всем любопытным глаза мозолить. Что удивительно, любопытных почти и не было. Списываю это на то, что прилетели мы сюда под ночь, когда нас никто не видел. И садились мы на малом газу, не пробудили округу треском моторов. Хотя к треску моторов местное население привыкло, этим их не удивить. Но все равно удачно получилось.

А так, конечно, в самый первый день нам курсанты прохода не давали, будущие летчики в очередь выстраивались, чтобы в кабину пробраться да за штурвалом посидеть, а потом все, как отрезало. Правда, и мы этим моментом в полной мере воспользовались – распустили слухи о наборе желающих на новую технику. Пока таковых нет, но народ думает. Пусть думает.

И опасения мои не оправдались. Местное руководство денек покосилось, но на этом все и закончилось.

Да, удивляет еще одно. Отсутствие ограждения вокруг лётного поля и почти беспрепятственный проход всех желающих на территорию авиашколы. На дороге для приличия стоит одинокая будка караульного с почти всегда поднятым в зенит полосатым шлагбаумом. Да и будка та почти всегда пустая. Появляется в ней кто-то, насколько я уже успел заметить, лишь утром во время построения и развода на занятия. Когда начальство в школу из города приезжает.

Короче, голова кругом идет. Была у меня мыслишка свалить всю организацию предстоящего дела на местное начальство, но теперь вижу, что ничего из этого не выйдет. И без меня у

него забот выше головы. Опять же от такого совместного сосуществования сейчас толку мало будет. Наш знаменитый авиатор Ефимов человек сугубо гражданский, он вот так организацию службы в школе и полагает. Придется порядок как-то наводить. Хотя бы в части, касающейся нас. Слишком уж тут все... Запущено, что ли... Вольница какая-то. И летают как хотят, то вдоль поля, то поперек, то вообще во все стороны. Понимаю теперь, почему нас попросили свой «Муромец» перекатить ближе к ангарам. М-да...

Самолеты вокруг старые, я уже и отвык от такого разнообразия. Казалось бы, всего-то без малого полгода прошло, как я со своего «Фармана» пересел на «Ньюпор», а уже все забылось. И эти хрупкие этажерки кажутся действительно этажерками. Посмотрел здесь на французские летающие лодки «Ф.Б.А.»... Ведь у Григоровича они гораздо лучше.

Почему в школе их нет?

Через неделю все-таки получилось попасть на прием к командующему Черноморским флотом. На удивление, встретили меня неплохо. То ли слухи обо мне и моих «подвигах» сюда вместе с газетами уже докатились, то ли Эссен такому отношению поспособствовал. А может, все гораздо проще и все дело в поступившей сверху команде? А какая по большому счету мне разница? Главное, дело будет сделано.

С командующим, Андреем Августовичем Эбергардом, разговор сразу пошел по правильному руслу и в нужном нам обоим направлении. Мое задание настолько пришлось ему по душе, что мне тут же был дан «зеленый свет». И была обещана всяческая помощь и поддержка. Правда, с оговорками. Мол, для начала следует дожидаться прибытия контейнеров по железной дороге и... И – остальное потом. Ладно, действительно – пока нашего груза нет, я особо дергаться и не буду. А уж как обрадуется адмирал, когда позже истинную цель моего сюда прибытия узнает...

А пока сидим с личным составом на аэродроме, изучаем карты полуострова, предстоящего маршрута, готовимся. Даже в небо нам не подняться, крылья не размять, самолет так и находится все время под сеткой. Скрываемся на всякий случай. Разойдется слух или не разойдется, этого пока никто не знает. Но если в небо хоть раз, да еще у всех горожан на виду, поднимемся, то тогда уж точно разойдется. А еще есть курсанты школы, инструкторы и механики, обслуживающий персонал. И за всеми не уследишь...

Через несколько дней пришли наши контейнеры в сопровождении приписанной к нам небольшой группы техников, и первым делом мы начали ставить ангар для нашего «Муромца». Сначала собрали металлический каркас, потом обтянули его брезентом. Ну и навесили на тросах сдвижные шторы-ворота. Конструкция получилась огромная, тяжелая. Чтобы эти шторы в сторону сдвинуть, одному человеку не справиться, хотя бы вдвоем тянуть необходимо.

Работа по сборке заняла всю последующую неделю. Да и то, если бы не помощь местных, мы бы своим составом и вообще недели две провозились. А так, выкрутились, справились. Но и руки поободрали, и перепачкались, как поросята. Ну и вымотались, само собой, до чертиков.

Сбоку, впритык к ангару, поставили две большие армейские палатки. Одна для нас, другая для техсостава. С печурками – все, как положено. Зато теперь можно и нам переселяться. Освободим помещение к удовольствию местного командования.

Перетащили койки, вещи, отгородили для них угол сбоку от входа. Места хватает, а нам так будет спокойнее. Даже не нам, а мне, так оно точнее. Теперь ни на кого оглядываться не нужно. Верите ли, нет, а на сердце легче стало.

Остальные контейнеры с необходимым нам оборудованием пока не вскрывали, оставили их стоять возле ангара. Местное командование поворчалось, не без этого, но против распоряжения его императорского величества не пошло. Хотя могло. Мутит оно воду, ох мутит. У самих точно такие же контейнеры вообще посередине между ангарами стоят – и ничего, никто внимания не обращает. А тут еще одна напасть появилась. Слышал я тут краем уха некоторые разговоры среди летчиков школы, и они мне не по душе пришлись. На революционную агитацию

сильно смахивает. Похоже, придется и мне принять участие в подобных беседах. Но только не сейчас. Вот сделаю дело, заработаю авторитет кое-какой и начну заниматься антипропагандой.

Еще раз был на приеме у командующего, уведомил его о нашей почти полной готовности. А там и жандармы потянулись с новыми данными разведки. Телеграмма о нашей готовности ушла в Петербург. Осталось немного подождать...

Ответ был получен на следующий день. И состоял он всего из одного слова: «Ждать!» Как я угадал.

Время потянулось медленно-медленно. Чтобы экипаж не одурел от безделья, пришлось активно заняться личной подготовкой. И выйти на командование школы с просьбой воспользоваться местной материально-учебной базой. Да, пришлось лично заняться обучением своих людей. Но уже на второе мое занятие в класс потянулись первые дополнительные слушатели. Я же не только о современной авиации говорил, но и об ее развитии, об аэродинамике, о тактике, о боевом применении. Пришлось вспоминать училищные лекции и занятия в Центре боевой подготовки. Хорошо, что с памятью проблем никаких, все припомнил. А еще через занятие пришлось перебираться в актовыв зал и уже читать настоящие лекции всему составу школы. А после лекций отвечать на многочисленные вопросы. Ну и ладно, дело-то нужное. Мне не жалко. Наоборот, я и из этого некую пользу вынес. Потому как наконец-то дело сдвинулось с мертвой точки, и у нас наконец-то появились первые... Нет, не кандидаты в мою авиароту, а хотя бы заинтересовавшиеся. Даже начальство школы начало появляться на этих моих лекциях.

Вот тут я и разобрался в так удивившем меня сначала отсутствии добровольцев в формируемую часть. А ведь мог бы и сам сообразить, догадаться, в чем причина. А она на самом деле простая, как оказалось.

Руководящий и инструкторский состав школы, может, был бы и рад к нам пойти, да кто ж их отпустит? А у курсантов нет должного профессионального опыта. Да вообще никакого пока нет. Им бы сейчас за счастье вот эти, имеющиеся в распоряжении школы этажерки освоить, не говоря о большем. А у нас вон какая техника. Мало того, что по местным меркам огромная, одними своими размерами внушающая уважение, так она еще и многомоторная. И с многочисленным экипажем, которым нужно управлять в полете. Да, это вам не одноместный самолетик...

А в один прекрасный теплый вечер мы наконец-то смогли выделить время и выбраться в город. Все-таки никогда я здесь не был, ни в той жизни, ни в этой. Что могу сказать по этому поводу... А ничего. Просто в этом городе нужно побывать. Своими глазами увидеть, ногами походить по местам боевой славы, руками, так сказать, к истории прикоснуться. Это как в Питере, Одессе или еще во многих довольно-таки известных городах. По праву известных...

В первый день просто прогулялись, прошлись по набережной, посидели на скамеечке, полюбовались морем. Несколько раз пришлось представляться патрулям, показывать документы и пропуска с разрешением местного начальника гарнизона. Вот не понимаю. Народу на набережной хватает, а проверяют, насколько я смог подметить, одних только нас. Вот как так? Или мы настолько отличаемся от местных? Чем?

Зато во второй раз нас проверяли уже заметно меньшее количество раз, а потом и вообще перестали. Привыкли, наверное, или мы уже примелькались.

Что удивительно, время военное, о чем недавний обстрел города напоминает, а на набережной народ променаду устраивает. Немного его, этого праздного народа, но ведь есть. Даже редкие парочки прогуливаются под ручку. Собачки бегают на длинных поводках, под ноги лезут. Да, дамы к тем собачкам прилагаются. Только, к сожалению, они все с сопровождением. Да не собачки, а дамы... Но все равно, греют сердце быстрые взгляды, горячат кровь.

Сначала подумал, что это мы такие красивые, а это, оказывается, отношение к лётной форме такое. Уважают здесь авиаторов. Как чуть позже узнал и рассказал нам Владимир Влади-

мирович Дитерихс, его императорское величество даже у себя в Ливадийском дворце выпускников Севастопольской школы принимает. И вообще он частый гость в школе. Ну, когда в Крым приезжает, конечно. А за ним и местная аристократия тянется, подражать старается. Ну и горожане не отстают, как же без этого. Да и впрямь – город морской, здесь кругом все в морской форме. А тут что-то новенькое, глаз радующее. Вот и смотрят, любопытство тешат...

Наконец-то дождался ответа из столицы. Все было замаскировано под прибытие очередной инспекции на флоте. В штабе сразу наступило тревожное затишье. Всей бумаги мне прочитать не дали, да вообще ничего не дали прочитать! Просто Андрей Августович довел сроки выполнения приказа и предложил согласовать наши действия. Словно крылья обрел адмирал. Довольный! Светится от счастья! Очень при этом сокрушался, что новейший линейный корабль «Императрица Мария» еще не готов. Как бы сейчас он пригодился...

А у меня сразу очередные воспоминания всплыли. Потому что о гибели этого линкора только ленивый в моем времени не знал. Очень уж в свое время эта тема подробно муссировалась. Да... И даже расследования причин гибели корабля проводили. Точно! Вспомнил! Основной вывод был о диверсии и саботаже на верфи. Только вот не помню, на какой. Но это то узнать не проблема. В конце концов, и просто спросить можно.

Спросил. Узнал. И после задумался, что мне делать. На местное отделение жандармов как-то у меня надежды нет. Просто не поверит мне никто. На Джунковского выходить? Пусть сам разбирается? Да, лучше всего так и поступить. Вот только как с ним связаться? И где выход?

Задумался настолько глубоко, что упустил нить разговора. И очнулся только тогда, когда Андрей Августович меня о чем-то дважды переспросил.

– Извините, ваше превосходительство, задумался.

– Я вижу, что задумались. Надеюсь, о чем-то действительно полезном.

– Так точно! Мне срочно нужна связь... Впрочем, еще раз прошу извинить меня и повторить вопрос.

Командующий дернул усами, нахмурил брови, что на его молодежавом лице смотрелось несколько комично. А я прямо почувствовал, как адмирал сейчас решает, отругать меня за мое неуважительное поведение или спустить все на тормозах. Да, что-то я оплошал, нашел, когда в воспоминания удариться. Оправдывает меня только то, что дело это очень важное. Особенно в свете предстоящих нам действий. А может, не мудрить и приоткрыть карты адмиралу? Чуть-чуть...

Или вообще не открывать? Сначала доложить Джунковскому, а уже он пусть решает, кого можно посвящать в это дело, а кого нет. А время-то идет. Думай, голова, думай. Да что я тут сомневаюсь! Эбергард сам больше всех заинтересован в быстром и благополучном спуске на воду новейшего линкора. Кому как ни ему все в своем ведомстве знать положено! Наверняка мне то же самое и Джунковский скажет. Ну же, решайся, Сергей Викторович!

Открыл было рот и сразу же его захлопнул. Если скажу «А», придется говорить и «Б». Рассказывать о том, откуда я все это узнал. Выход-то где?

Разговор после моей оплошки как-то быстро скомкался. Адмирал явно остался недоволен моим таким отношением к настолько важному делу. Да еще в свете поручения самим императором. Да только мне все равно. Слишком ценные у меня сейчас сведения, чтобы в данный момент пустяками голову забивать. А император простит...

– Сергей Викторович, в чем дело? – решил не обращать внимания на мое явно неуставное, если не сказать больше, поведение командующий.

Прекрасно его в этот момент понимаю. Ситуация непонятная, двойственная. И не одернешь меня, как положено, потому что я протеже самого ЕИВ, и разговор я сейчас явно неспособен продолжать.

– Еще раз извините, ваше превосходительство, – все-таки решил сказать. – У меня есть очень важные сведения, касающиеся этих самых Николаевских верфей. И своевременного спуска на воду линейного крейсера. Прошу учесть, все, что вы сейчас услышите, не должно выйти за пределы вашего кабинета.

– Хм-м. Молодой человек, вы в своем уме? – и адмирал потянулся к звонку.

Даже по званию ко мне не обратился. Этим самым явно дал понять, насколько низко я сейчас в его глазах рухнул. Ладно, отступать поздно, да и нельзя. Нужно дело делать!

– Погодите, Андрей Августович, – опередил это его движение. И явно своим панибратским обращением выбил командующего из колеи. Посмотрел, как лицо адмирала быстро меняет цвет на свекольно-бурый, и заспешил, постарался объяснить хоть что-то, пока в кабинете не грянул гром. – Ваше превосходительство, на Николаевских верфях готовится диверсия...

И, глядя на ошарашенное лицо быстро бледнеющего адмирала, добавил:

– Больше ничего конкретного говорить не имею права. Только с разрешения представителей Корпуса жандармов.

Да, просто так мне отделаться не удалось. Но на своем стоял крепко. А адмиральская буря в его же кабинете... Сам виноват. За что сейчас и огребаю. Но зато вопрос с жандармами решился на удивление быстро. И буквально через полчаса я уже совсем в другом здании и другом кабинете имел счастье лицезреть парочку офицеров в голубых мундирах.

Рассказал коротко обо всем, что мне удалось припомнить. Замолчал... И в кабинете наступила тишина на пару минут. Не дольше. А потом все пришло в движение... Да ничего не пришло в движение. Просто пришлось все то же самое повторять еще раз, но уже «под протокол».

А затем вернулся в штаб флота, в кабинет командующего, и выдал Андрею Августовичу подкорректированную жандармами урезанную версию своего рассказа.

– Будем считать, что ваше, скажем так, несколько странное поведение, Сергей Викторович, получило логичное объяснение, – внимательно выслушал мое коротенькое повествование успокоившийся за время моего отсутствия Эбергард. – Ну что же, причина явно уважительная, раз господа из Корпуса так считают. Хотя, признаться, у меня лично ваш рассказ вызывает некоторое удивление. Если не сказать больше. Как-то очень уж все это на большие фантазии похоже.

Все, дальше без меня. Я свое дело сделал, все, что можно припомнил, а припомнил я не то чтобы много, так, кое-что самое важное, что зацепилось в памяти. Но тут дело такое, была бы зацепка, ниточка, за которую можно и нужно потянуть... Пусть раскручивают сами. Джунковскому сообщат, это главное. А Владимир Федорович все сделает правильно...

Следом за контейнерами с нашим имуществом и необходимым оборудованием через несколько дней пришел еще один железнодорожный состав с горючим грузом в бочках и с бензином. И был сразу же частью отправлен на склады авиашколы, а частью перегружен на транспорты сопровождения в порту. И еще через пару дней все военные и гражданские суда ушли из города. Даже самой заваливающейся лоханки не осталось.

На второй день после отхода кораблей я пошел к командованию школы. Вот и началось то главное, ради чего и было затеяно это мое «назначение»...

А еще через десять дней ранним солнечным утром на лётное поле школы один за другим начали приземляться четырехмоторные машины из Санкт-Петербурга и Варшавы. Разбудили гулом моторов приморский город. Подруливали после посадки к нашему ангару, где их уже встречала наземная команда, разворачивались и выстраивались в два длинных ряда. Останавливались и глушили двигатели. И вокруг каждого самолета сразу же начинали суетиться механики и техники. Весь инженерный и технический состав школы включился в этот непрерыв-

ный процесс. Даже курсантов припахали, невзирая на звания. И никто отказываться не стал. Из контейнеров доставали огромные поплавки и устанавливали на стойки колес. К ночи все самолеты были переоборудованы в морской вариант и дозаправлены.

Экипажи ушли на отдых, а вокруг самолетов еще полночи шустроли техники, проверяли и перепроверяли матчасть...

Утром я проснулся рано. Сразу же, первым делом, выглянул из палатки, окинул взглядом горизонт, небо. Ни облачка. И ветер слабый, на лице еле-еле ощущается. Даже не ветер, а земля после ночи начинает прогреваться, вот и чувствую щекой слабое движение воздуха. Скорее, не движение, а шевеление. Это хорошо, от погоды сейчас все зависит. И это не преувеличение.

Во время завтрака поприветствовал Шидловского и Сикорского. Игорь Иванович не удержался и лично решил поучаствовать в предстоящем мероприятии. Заодно и новый самолет нам пригнал. Откуда только узнал? Мы тут секреты разводим, а уже все всё знают...

После завтрака летчики и штурманы собрались в актовом зале – началась постановка задачи. Не удивился, когда увидел генерала Каульбарса в компании великого князя Александра Михайловича. Удивился понастоящему, когда мне шепотом свежие слухи поведали. Оказывается, в Крым государь лично приехал. Сам!

Не верил я до конца, что он лично возглавит предстоящую операцию. Обычно слухи такого рода мгновенно все окрестности облетают, а тут полная тишина. И про великих князей никто ничего не знал. Неужели научились секреты хранить? И впрямь что-то изменилось? Да ладно. А как же тогда объяснить присутствие здесь Игоря Ивановича? Тем, что собирали всех, кто может пилотировать «Муромцы»? Может быть...

Взлетать начали после обеда курсом на север. Взлетать в сторону города не стали. Нечего рисковать жителями, мало ли что...

И первой ушла в небо моя машина. Наконец-то закончилось долгое вынужденное ожидание. На разбеге успел заметить плотную толпу провожающих. Похоже, весь личный состав школы собрался. Надеюсь, завидуют. Пусть завидуют. Глядишь, после демонстрации такой мощи наконец-то удастся расшевелить местных офицеров. Может, и к нам наконец-то проситься начнут.

После взлета первым делом проверили радиосвязь с экипажами. На удивление все четко работает.

На пятидесяти метрах плавным левым разворотом ушли в море, встали на расчетный курс и продолжили набор высоты. Забрались на три тысячи метров и пошли себе спокойненько, поглядывая по сторонам. С такой высоты далеко видно. Чужих дымов нигде не заметили, да их и не должно было быть по данным разведки.

Через три часа полета впереди показалось серое облако. По мере приближения облако распалось на многочисленные отдельные дымки из труб кораблей. Вот и точка встречи. Опознались по радио, прошли над лежащими в дрейфе кораблями и развернулись еще влево, в сторону Зонгулдака.

Час с небольшим полета, и вдали показалась серая полоска берега. Ближко подлетать не стали, через оптику посмотрели на наличие неприятельских военных судов и вернулись назад, к своим. Сели вдоль волны, погасили скорость, подрулили к кораблю-матке. С него уже были спущены на воду катера обеспечения, на один из которых я и перебрался вместе со штурманом.

Дрогнула под ногами палуба, вскипел бурун под кормой. Ухватился руками за релинг, так как ошутимо шатнуло назад. Несколько минут хода, и мы на флагмане.

Поднялись на палубу и вслед за вестовым проследовали в кают-компанию. Доложили командующему об обстановке у Зонгулдака и о расчетном времени прибытия остальных самолетов основной группы.

А дальше наблюдали за заправкой и загрузкой горючей смеси в самолет. После окончания загрузки нас отбуксировали на другой борт транспорта сопровождения и пришвартовали двумя канатами к кораблю. Теперь остается только ждать прибытия группы, ну и не зевать, поглядывать за безопасным расстоянием до борта, дабы не повредить самолет. Для этих целей на воде уже достаточное количество шлюпок находится.

О, вот и первые «Муромцы» показали, пошли на снижение, один за другим. Сразу стало веселее, суета поднялась, шум и рев моторов.

Море большое, корабли на отдалении друг от друга стоят, места всем хватило.

Под шумок несколько транспортов с сопровождением набрали ход и ушли в сторону Зонгулдака.

А ближе к рассвету мы снова ушли в небо, взлетели вдоль небольшой волны под свет корабельных прожекторов, вслед за давно ушедшей к Константинополю основной эскадрой адмирала Эбенгарда. С самолетами осталось два транспорта сопровождения. Да и то лишь вот из-за этих самых прожекторов. Улетим мы, и они пойдут догонять флот.

В воздухе разделились на две группы. Первая, малочисленная, пошла на Зонгулдак, а вторая, более многочисленная, развернулась и нацелилась на Босфор. Что до первой, что до второй цели приблизительно одинаковое время подлета. Рассчитываем подойти к расчетным точкам как раз с восходом солнца, когда оно начнет подсвечивать нам в спину и слепить вражеских наблюдателей. Опять же утренняя молитва будет идти, не до нас будет туркам. Это умные головы в Генштабе так рассчитали, чтобы противодействия нам было меньше...

Кто бы сомневался, что я полечу во второй группе? Зонгулдак я уже сверху повидал, можно сказать, а вот Константинополь пока не довелось. Лёту тут немного, что туда, что туда – одинаково, так что скоро увижу.

Здесь принято решение обойтись без предварительной разведки. Нам еще повезло, что на горизонте ни одного дыма пока так и нет. И никто еще всю нашу армаду не засек. Хотя на флагмане было высказано мнение, что о прибытии русской эскадры в эту точку турки уже наверняка знают, поэтому и оттянули свой флот под защиту береговых батарей.

Вот сейчас и узнаем, так ли это...

Одно плохо, видимость отличная, миллион на миллион. На солнце за спиной одна надежда. И на утреннюю молитву правоверных.

Перед городом заранее решили не разделяться. Высоты у нас небольшие, идем на восьмистах метрах друг за другом. Так и будем выдерживать строй. Из него и станем «вываливаться» по намеченным целям. Мандраж начинается. Не оттого, что страшно, а оттого, что промахнуться нельзя. Повторного захода ни у кого не получится. Как только нас обнаружат, тут такое начнется... Ну да ничего, у всех экипажей уже имеется боевой опыт. Справимся. Вот только где мне этот «Гебен» искать? Разведка сработала хорошо: и рассказали, и нарисовали, где он сейчас стоит в ремонте. Но одно дело на карте точку показать, а совсем другое на незнакомой местности определиться. В чужом порту среди многочисленных кораблей. Хорошо хоть солнце взошло. Сейчас все нам подсветит!

Да и при чем тут солнце? Не до него сейчас! Впереди идущие «Муромцы» начали поочередно уходить вниз и в стороны. Кто влево, а кто вправо, на береговые батареи. Следующие будем мы. Наша задача – порт с его кораблями и «Гебен»!

Глава 3

У нас скорость полета хоть и невысокая по моим меркам, но по нынешнему времени является чем-то вроде сверхскорости. И даже для меня с моим восприятием наличие в Босфорском проливе такого множества разновеликих и разномастных кораблей выглядит слишком. Глаза разбегаются! В первый момент даже как-то неосознанно принялся считать их общее количество, а потом поймал себя на этом автоматическом действии и одернул, заставил успокоиться. Ни к чему это делать, не нужно.

А артиллерийское или, скажем так, зенитное прикрытие турецких батарей от атаки с воздуха на входе в Босфор пока молчит! И сами батареи молчат! Или мы настолько удачно со временем подгадали, или не ожидали турки от русских этакой безмерной наглости. Вот на эту неожиданную наглость и был расчет! И на невиданную до этого момента невероятную по силе огневого поражения и психологического воздействия атаку с воздуха. Ну не было еще подобного в этом времени!

Так и тянет оглянуться назад. Посмотреть, как там самолеты по батареям на входе отработали. Нет, то, что попали удачно прямо по фортам, и то, что там что-то загорелось, это я сразу засек. Но вот подробности! Подробностей не хватало...

Было бы темно, так хоть зарево пожаров можно было увидеть. А тут солнце в спину светит, отсветы от огня своими лучами маскирует. Наверняка ведь на турецких позициях сейчас огонь до небес. Не выдерживаю и приникаю к окну, выкручиваю шею, скашиваю глаза назад. Увиденное разочаровывает. Нет никакого огня до небес. Ну, полыхает там что-то этакое на земле, но из-за бьющих прямо в глаза солнечных лучей все выглядит несколько бледно и абсолютно не впечатляюще. Единственное, что впечатляет, так это черный густой дым. Но лучше не отвлекаться. Иначе точно свою цель прозеваю.

Где этот чертов «Гебен»? Одиннадцать минут полета до выхода из пролива и западной окраины города с его портовой зоной из-за моего нервного нетерпения тянутся и тянутся нескончаемой резиновой лентой. Самолет словно завис в одной точке над городскими кварталами. Прилип к небу, как муха к лампочке.

– Володя, смотри внимательно! Пролив заканчивается, и эта железная громадина где-то справа должна стоять!

Помощник только рукой отмахнулся. Головой, правда, после отмашки качнул утвердительно. Мол, услышал. Он и так к боковому стеклу прилип, крейсер внизу высматривает. Силуэт у «Гебена» двухтрубный, сильно вытянутый. Снимки мы хорошо изучили, поэтому все знают, что именно нам нужно высматривать. Опять же аналогов ему нет, он тут один такой огромный. И солнце сейчас нам в помощь – подсвечивает внизу впереди картинку городской портовой окраины настолько четко и контрастно, что ну никак не должны мы цель пропустить!

И штурман в свое окошко вглядывается, а рядом с ним... Какого черта здесь Михаил делает?

– Миша, марш на свое рабочее место! – рявкнул на Лебедева. Как-то даже легче стало. Пар хоть немного сбросил.

Вахмистр рыбкой назад нырнул, даже не оглянулся. Понимаю, что помочь хотел, но вдруг по закону подлости нам вот как раз в этот момент и отстреливаться от кого-нибудь придется? Есть же самолеты у турецкой армии? Это пока их не видно, но ведь должны же они хоть когда-нибудь появиться? Или зенитный огонь с земли давить? А мы сейчас первыми идем, за нами вся остальная воздушная армада летит. И ответный удар, если он будет, нам первыми принимать. Вот обнаружим крейсер, пойдем в атаку, тогда ведущий третьей эскадрильи займет наше место.

Волнуюсь. По виску струйка пота покатила. Дернул щекой, потянулся языком, достал кончиком горькую капельку. Вот и к морю выходим. К Мраморному. Влево-вправо от устья пролива раскинулась обширная портовая зона с многочисленными причалами, складами и кораблями. Слева, в своем секторе обзора, я ничего серьезного не наблюдаю. Так, мелочь всякая, внимания не достойная, на рейде полощется и у причалов стоит. Глянул мельком и забыл сразу же. Явно не наша цель. А нашей я пока не вижу! По данным разведки, он же где-то рядом должен находиться! «Ваша цель – порт! Верфь и крейсер!» Тьфу! Да здесь везде порт и повсюду верфи! Нужно было конкретнее место уточнить! Это я сейчас на себя за явный прокол разозлился. Мог бы уточнить. Ну не предполагал я подобного!

Справа? «Гебен» – дура здоровая, его ни с чем не перепутаешь.

– Есть! Командир, вижу! – обернулся Дитерихс. Глаза шальные, лицо возбужденное, но довольное. Улыбка радостная до ушей. Рукой мне показывает направление.

– Где? – непроизвольно потянулся всем телом вслед за его жестом вправо, к боковому окну. Не дотянулся, ремни помешали.

И тут же одернул себя – все равно не достану и со своего места не увижу. Если только встать.

Что за чушь в голову лезет? Встряхнулся, выкинул из головы все постороннее, сел плотнее в кресло.

– Уверен? – спросил так, на всякий случай, чтобы охладить немного и помощника, и себя – так вернее будет и для дела полезнее. Сам даже ответа не стал ждать – коротким движением завалил «Муромца» сначала в левый крен и сразу же в правый. Покачал таким образом крыльями, привлекая внимание сзади идущего экипажа и обозначая свой маневр. Обнаружили они цель самостоятельно или нет, а роли это не играет. Главное, мы (именно мы, и никак иначе) ведем группу в атаку. И командовать мне! Еще и бортовыми огнями моргнул для контроля, на всякий случай. Связь? Да в эфире по докладу радиста сейчас черт знает что творится! Частота одна на всех. Сейчас...

– Подтверждаю, командир. Он это, «Гебен»! – наконец-то отлип от своего окошка штурман, вернулся в кресло, застегнул ремни. – Атака?

– Атака! Стучи давай! – а это уже нашему радисту. Пусть в эфир сообщение выдает. Забита частота или нет, уже неважно. Положено – пусть работает!

Крен вправо вместе с одноименной педалью. Тут же сам себя одернул. Полегче нужно, полегче, не зарывайся, не забывай о слабости деревянной конструкции. Повел самолет в плавном развороте со скольжением в сторону пока невидимой мне цели.

– Штурман, курс! – я же сейчас слепой, мне же ничего справа внизу не видно! Там, куда лететь нужно! Ну что он там медлит?!

Хорошо, что помощник не сплеховал, в штурвал вцепился, помогать начал, выруливать там куда-то. Пусть выруливает!

– Командир, курс двести семьдесят три градуса! На боевом!

И буквально сразу же:

– Влево три. Пять. Десять. Командир?

А патаму что! Вовремя нужно было курс задавать. А теперь мы, то есть я, его проскочил. Пока в обратный крен переложимся, пока довернем...

А-а, черт! Зато теперь и я этот клятый «Гебен» увидел! Да он же рядом совсем! В смысле – по авиационным меркам рядом. Еще чуток! Фиксирую курс педалями, выравниваю самолет по горизонту, плавно возвращаю руль направления в нейтральное положение. И одновременно с маневрированием на боевой командую:

– Люк открыть! Приготовиться к сбросу!

Теперь успеем! Не вдали фотографии. По ним сразу было понятно, что снимали немца откуда-то из города и с крыши. Или с возвышенности, да в сторону моря. Сейчас точно в этом убедился. Поэтому, наверное, и не привязался штаб к конкретному месту... Разведка...

Только на снимках корабль был без этих уродующих стремительный силуэт кессонов. Серая сигара крейсера сейчас с бортов безобразно разбухла, словно беременный таракан, потеряла всю свою хищную стремительность.

Вокруг на воде какие-то мелкие суденышки, вообще все забито разнообразным неопределимым хламом. «Не забыть дать команду сфотографировать». Все эти мысли промелькнули в голове за одно мгновение, стоило только мне увидеть корабль. И я мысленно застонал от осознания сделанной ошибки. Рано мы развернулись. Мне бы протянуть еще чуток по прямой и заходить на цель с более острого угла, потому что стоит он сейчас очень неудачно для нас...

И я резко отворачиваю влево, помогаю педалью, кручусь буквально «на пятке». Беру новый курс градусов на тридцать меньше заданного. За спиной что-то гроыхает, скрежещет железом по железу. И время словно застывает...

Боковым зрением успеваю увидеть удивление на лице помощника, вижу, как медленно разворачивает в мою сторону голову Смолин и слышу отборный тягучий мат Сергея в грузовой кабине. Позвоночник пробивает холодом. Лишь бы не сорвалась с держателей какая-нибудь бочка со смесью! По закону подлости!

Но на рулях никаких дополнительных моментов. Самолет как шел, так и идет. Значит, это что-то другое гроыхало, не столь сейчас важное. Потом разберемся.

– В грузовой кабине порядок! – подтверждает мои выводы доклад Сергея.

И утвердительно кивает головой инженер. И время возвращается к обычному своему течению...

Спинальным мозгом чувствую, что пора, и заваливаю самолет в правый крен. Помогаю развороту педалью. Вновь что-то гроыхает в кабине, но уже не так громко. Можно не обращать внимания...

Вот теперь более подходящие условия для атаки! И штурман уже задает новый курс! Дублирую команду и держу машину ровно. А внизу тишина! Никто по нам не стреляет! И суеты я никакой в порту не замечаю. Короткий взгляд вниз, глаза фиксируют мельчайшие детали. Высота вполне позволяет их рассмотреть.

– Федор Дмитриевич, сфотографировать не забудь! – напоминаю о важном.

Штурман прилип к прицелу и медленно поднимает руку вверх. Реакции на напоминание нет, но я знаю, что он меня услышал. Просто знаю. Застываю я, застывает в воздухе самолет. Идем ровненько. Условия для бомбежки идеальные. Ветра нет, воздух еще не начал прогреться, полет спокойный.

– Внимание! – дублирует голосом поднятие руки штурман.

Серая громада крейсера медленно уползает под кабину, по спине стекают капли пота, щекочутся.

Ну же! Пора уже! И резко падает вниз рука штурмана. Тут же звучит команда: «Сброс!»

Во весь голос ору то же самое и сжимаю рога штурвала. Вздрагивает несколько раз самолет, пытается лезть вверх, но мы его тут же осаживаем, выдерживаем высоту и курс. Считаю эти взбрыкивания. Сколько раз взбрыкнет – столько бочек и вывалилось.

Все верно, совпадает! Отработали! И внутри расслабляется что-то, отпускает натянутые струны нервов. Теперь только выдержать маршрут отхода от цели. За нами еще экипаж идет, не нужно им мешать своими непредвиденными маневрами. Будем схему отхода соблюдать и выполнять.

Из грузовой кабины что-то громко, но совершенно неразборчиво кричит Сергей, и этот крик тут же мне переводит Смолин:

– Груз сброшен!

Киваю головой и командую:

– Люк закрыть!

Хлопают створки, встают на замки с лязгом. Пропадает шум раздраженного воздуха за спиной, и в кабине наконец-то становится тихо. Почему Михаил молчит? Неужели промазали?

– Есть накрытие! – не успел испугаться, как за спиной раздался крик, даже не крик, а восторженный вопль Лебедева. А уж довольство в этом голосе можно на хлеб намазывать. Вместо меда. Настолько оно густое.

Он же у нас за заднюю нижнюю полусферу отвечает. Ему со своего рабочего места прекрасно все видно – куда и как мы уложили нашу горючую смесь. Сфотографировать бы результат, да, увы, не получится. Уходить нам нужно и возвращаться назад.

Губы сами собой раздвигаются в довольной улыбке. Оглядываюсь через плечо на штурмана и вижу в ответ точно такую же. Да еще и кивает мне утвердительно. На вопросительно поднятую бровь хлопает ладонью по фотоаппарату. Неужели все снял? Молодец!

Помощник не обращает на наши переглядывания никакого внимания – сосредоточенно выдерживает режим полета. Пусть рулит. А я даю команду усилить осмотрительность, потому что отвлеклись мы на атаку, забыли о турецких истребителях. Где-то же они есть!

И мы так и уходим вперед по прямой, где-то через минуту загибая эту прямую плавным правым разворотом в сторону от «Гебена». Идем над городом. Пару раз я не удержался, глянул в боковое окно помощника, но, как и следовало ожидать, ничего помимо размытого в дымке горизонта не увидел. Да и немудрено это, на такой-то высоте. Зато далеко впереди и чуть справа же, на побережье Черного моря, словно в компенсацию, прекрасно вижу поднимающийся к небу черный плотный дым. Такому дыму и дымка не помеха. Это точно горят турецкие батареи на входе в пролив. Даже представить страшно, что там сейчас на позициях творится. Мало того что горючая смесь сама горит, так ведь наверняка еще и боезапас должен был рвануть. Командование наше очень на это рассчитывало...

Пересекаем береговую черту, успеваем пару раз вдохнуть дыма и уходим к точке дозаправки и загрузки. Внизу под нами ведут стрельбу корабли Эбергарда. И ответных выстрелов я не вижу. Тьфу ты, не выстрелов, а столбов воды вокруг наших кораблей. Или все-таки обстреливают наших? Точно, есть такое дело. Правда, стреляют слабенько и редко. Насколько я понял, это с уцелевших кораблей ведется обстрел. Поздно уже, опоздали вы. Похоже, первая часть операции выполнена, вход в Босфор открыт, распечатан. А в сам пролив потихоньку втягиваются транспорты с десантом.

Недаром ведь мы взлетали почти на две недели позже после выхода флотилии из Севастополя. За это время транспорты в сопровождении боевых кораблей успели дойти до Аджиарии и загрузиться на побережье выделенными для этой операции частями Кавказской армии. Всего этого я, само собой, знать не мог. Так, догадывался кое о чем, глаза и уши есть, там что-то услышал, там увидел и выводы сделал. Другое дело, что выводы эти держал при себе, обсудить их было просто не с кем, да и не нужно этого было делать.

Догадки перешли в твердую уверенность, когда весь боевой и вспомогательный флот, все гражданские разномастные корабли в море ушли. Когда сбор в назначенной точке нам определили через столь значительное время. И последние сомнения отпали после прибытия эскадры «Муромцев» Шидловского и Сикорского, после распаковки контейнеров с поплавами, после постановки задачи.

Так вот. Новоиспеченный командующий Кавказского фронта воспользовался наступившим затишьем после блестяще выигранного Саракамышского сражения и вывел в район Батума по указанию Генштаба предназначенные для новой операции конные части Терского и Кубанского казачьих войск. Да плюс к этому отдельные части тридцать девятой пехотной дивизии и Кубанской пластунской бригады. Вот такой состав участников был задействован на начальной фазе этого плана.

После разгрузки суда полным ходом вернутся обратно и возьмут на борт следующую группу войск. В конечной фазе операции должны будут в полной мере поучаствовать и армянские добровольческие формирования. Уж этих-то хлебом не корми, дай только с турками за все посчитаться.

Вот на этих добровольцев и была сделана основная ставка. На них и еще на славянское население Константинополя...

Можно было подумать, что всеми этими действиями командование ослабляет Кавказскую армию, но... После удара по Босфору туркам уже точно будет не до Кавказа. Да и на транспорты загрузили всего лишь малую часть армии, основная масса войск все-таки осталась на месте. Были бы еще корабли, взяли бы больше. А так сколько смогли, столько и наскребли, даже из Одессы все забрали. И затягивать с операцией больше было нельзя!

Еще месяц, и «Гебен» вышел бы из ремонта. Он, конечно, уступает нашему флоту по суммарной огневой мощи, но зато по скорости значительно превосходит. Это одна причина. И есть еще две. Согласованный с нашей атакой удар союзников по Дарданеллам. Скрывать от них наши планы, как это предлагали многие члены правительства и военного министерства, не стали. Все равно в одиночку с подобной авантюрой не справиться. Силенок удержать не хватит. И дополнительно с атакой союзников с севера на голову турецкой армии начнет сваливаться сербская.

Для отвлечения внимания турецкого командования практически одновременно с атакой на Константинополь будет нанесен удар по Зонгулдаку. С него открывается прямая дорога на Анкару. Для десанта в виде терской казачьей конницы двести верст не такое уж и огромное расстояние. Потому что на пути не будет ни скопления войск, ни глубокой эшелонированной обороны. Да никакой не будет, это же глубокий османский тыл. Пусть не за день и не за два, да пусть даже вовсе не дойдут казаки до турецкой столицы, но одними только своими намерениями наведут шороху в Османской империи. Какой после подобной угрозы может быть Кавказ? На Константинополь и то глаза прикроют. Потом, правда, все поймут, спохватятся, да уже поздно будет...

А это явно то, что нам нужно. Наши корабли. Да, не сообразил я, лопухнулся. Или прослушал указания перед вылетом? Не знаю. Но транспорты нашего обеспечения явно переместились на пару десятков миль ближе к Босфору. Оттого-то и подлетное время получилось небольшим. Да и ладно. Все проще будет.

По дымам из труб определились с ветром. Нет его, сносит дым кораблям за корму. Не совсем, к слову сказать, сносит. Транспорты тоже нас загодя обнаружили, даже успели несколько ход сбросить. Поэтому дым только-только в сторону кормы и наклонился. Ну и хорошо!

Пошли на снижение, облетели по кругу корабли, определились с направлением волны. Заодно и высоту потеряли. Можно садиться.

Есть отдельная инструкция по посадке на воду... Так вот, садиться нужно обязательно вдоль волны. Когда она есть, само собой. Чтобы не зарыться в нее поплавками или корпусом и не нырнуть в подводное царство. Это в обычных условиях, когда есть возможность выбора... Если же выбора нет или на борту особый случай, угрожающий жизни пассажиров и экипажа, а воспользоваться средствами аварийного покидания возможности нет, то приходится садиться как есть... И побыстрее...

Но у нас, слава богу, на борту полный порядок. Тьфу, тьфу, тьфу через левое плечо. И мы с помощником подводим самолет к воде. Ниже, ниже. Пора убирать обороты моторов до малого газа. Определять момент касания тяжело – все-таки морская поверхность далеко не гладкая земная. Какая-никакая волна присутствует. Можно промахнуться с расчетом и потерять скорость. И в результате так приложиться о воду, что поплавки в стороны разлетятся. А потом и не только поплавки...

Скользим над волнами. Что-то мешает, цепляет чуть сбоку. Скашиваю на короткое мгновение глаз – параллельно нам невдалеке точно так же скользит над водой белоснежная чайка. Только скорости у нас несопоставимы, и чайка быстро отстает и скрывается за обрезом окна. Только сейчас выдохнул. Все это время подспудно боялся, что она в двигатель влетит.

Еще чуток. Волна на подходе, и я ловлю момент. Медленно-медленно наплывает покатый вал. Есть касание! Пятой точкой ощущаю упругость воды, воображение работает, и я словно каким-то внутренним взглядом вижу, как поплавок цепляет своей кормовой частью тянущуюся к нему макушку волны, бреет лысину боковыми колесами, как раскручиваются они и летят вверх-назад на нижнюю плоскость крыльев крупные соленые брызги. Как грохочет в ответ полковым барабаном под ударами этих струй туго натянутая перкаль крыла.

Правый поплавок цепляет убегающую волну. Смачный плюх, и брызгами морской воды забрасывает боковое окно. М-да, это же сколько нам времени и сил придется потом затратить, ну, после всей этой эпопеи, чтобы машину от соли отмыть...

Пологий гребень волны уходит в сторону, но и скорость у нас падает. Немного, но этого достаточно, чтобы самолет чуть просел в неглубокую яму между валами. А тут и следующая волна на подходе. Подхватывает вода левый поплавок, старается вытолкнуть его из своей тугой плоти, пытается накренить аппарат вправо и развернуть. Сначала левой, а потом и правой педалью держу машину на курсе, использую возникший крен для полного касания и окончательно цепляюсь за пологую волну. Руль направления в нейтральное положение! Фюзеляж вздрагивает. Это хвостовой поплавок начал работать.

Скорость очень быстро падает, поэтому для дальнейшего руления и эффективного маневрирования приходится использовать моторы. Дело это сложное и неблагодарное – слишком велики разворачивающие моменты на волнах. Плюю на это дело и даю команду на выключение двигателей. Есть же катера обеспечения, вот пусть они и работают. Идет уже один такой в нашу сторону, пыхтит дымом, торопится. Сейчас нас отбуксируют, заправят и загрузят. И новые цели нам обозначат. Наверняка ведь на кораблях поддерживается связь с флагманом. Иначе как нам новые задачи нарезать?

Взлетели через час. Быстрее не получилось. Промучились и с заправкой, и с бочками. Загружать их пришлось через боковой люк, а на волне это проделать не так просто. И помогающего нам в этом деле народа на катерах стало меньше. Число самолетов, к счастью, осталось прежним, а корабли и почти все суда, кроме этих двух, ушли десант высаживать.

Возвращаются постепенно «Муромцы», приводняются, подруливают, швартуются и встают в «очередь ожидания». Медленно движутся работы, очень медленно. И ничего ведь не поделаешь. С кораблей не загрузишься, неудобно кранами на стропях к люку бочки подавать, поломать технику можно. Приходится использовать для этого дела катера. А это тоже не так просто. И вместимость у них позволяет взять на борт груз максимум для двух самолетов. И это еще хорошо. Потому что волна небольшая. Так бы вообще все работы на неопределенное время могли затянуться. Или вообще прекратиться. А это чревато...

Придется теперь нам летать не плотной группой, а поодиночке. Терять время и дожидаться остальных нельзя – там, в Константинополе и в Галлиполи, всюю идет сражение. Про Константинополь знаю точно, сам поучаствовал, так сказать, и сейчас еще непосредственно поучаствую, а вот в Галлиполи... Ну не могут же нас союзники так подвести? И наши пока даже до фортов Чанаккале не долетели, работали по кораблям турецкого флота в Мраморном море и по батареям Дарданелл с нашей стороны. С катера передали, что вроде бы как кому-то из наших удалось, по неподтвержденным пока данным, поджечь «Мидилли». «Бреслау» то есть... Это хорошо. Чем больше сожжем, тем нашим будет легче!

Взлетать сложно. Если во время первого вылета волны почти не было, то к полудню Черное море слегка расшалилось. Словно растревожилось. Волнение пока небольшое, но, если оно и дальше будет увеличиваться, то воздушную часть операции придется сворачивать или пере-

носить на сушу. Если наши отвоюют какой-нибудь подходящий для взлета и посадки ровный участок суши. Ладно, довольно размышлять – пора работать!

Плавно добавляем обороты двигателям. Нас уже утянули чуть в сторону от основной группы, на вольный простор, где и освободили от буксира.

Тяжелая машина начинает движение, переваливается с крыла на крыло, с одной волны на другую. И волна-то пошла чаще, что не есть хорошо. Скорость нарастает, брызги вылетают из-под поплавков, раскручивающихся колес, лупят со всей дури по фанерной обшивке фюзеляжа. Хорошо еще, что не успевают перкаль крыльев намочить – воздушным потоком от винтов все брызги сдувает. Еще быстрее. Поплавки выходят на глиссирование, и скорость сразу, скачком, становится больше и растет, растет. И самолет уже спокойно управляется, перестает переваливаться с вала на вал, уверенно держится на покато́й спине волны, идет с небольшим креном, отлично слушается руля.

Так и взлетаем с этим креном. И уже в воздухе выравниваемся по горизонту, разгоняемся с одновременным разворотом на нужный курс. И начинаем набирать высоту.

Пытаемся установить связь с флагманом, но ничего из этой попытки не выходит. Эфир плотно забит, и мы в очередной раз прекращаем наши попытки. Ничего, цель нам задана, по ней и будем работать.

Занимаем свои восемьсот метров, усиленно крутим головами по сторонам. Не только на море сейчас столпотворение, в воздухе такая же каша заварилась. Это еще хорошо, что мы развели встречные маршруты по высоте. Туда идем на восьмистах метрах, оттуда – на семистах. Невысоко, но выше и не нужно. Остается надеяться, что экипажи в горячке атак эти высоты не попутают...

Несколько раз замечали летящие навстречу самолеты, расходились с ними на встречных курсах и разных высотах, приветствовали друг друга покачиванием крыльев, что порадовало. Молодец Шидловский, хорошо обучил своих орлов.

Турецкие форты на входе в Босфор встретили черными дымами пожаров, разбитыми стенами укреплений и большими воронками от разрывов, отлично видимыми сверху. И наших кораблей перед проливом уже не видно. Все ушли вперед, к Константинополю и далее – к Дарданеллам. Впрочем, не все. Кое-кто остался прикрывать огнем корабельной артиллерии высадку и поддержку первой части десанта.

Над городом проходим спокойно. Восемьсот метров высота небольшая, можно невооруженным глазом рассмотреть наши транспортные корабли у берега, муравьиную суету на улицах и площадях города. Кое-где начинают подниматься в небо пока еще редкие бледно-синие дымки пожаров. Жаль. Похоже, одними этими дымами дело не ограничится – достанется туркам и городу по полной. Как-то не по себе стало от этой простой мысли. Все-таки это мы принесли в этот город беду, на своих крыльях. Вряд ли что-то подобное могло получиться без нашей массивной атаки с воздуха. После нашей горючей смеси батареи на фортах активного сопротивления уже и не могли оказать. А как его окажешь, когда под ногами у защитников даже земля горит? А смесь умудряется в казематы протечь, зарядные ящики воспламенить. И не потушить ее ничем. Если только землей засыпать. А пока это сообразишь... Первая мысль – заливать водой. А от воды огонь только веселее разгорается...

Ничего. Мы первые на них не нападали! Это горячий ответ туркам за обстрел Крыма!

Перед атакой на всех кораблях, во всех частях и подразделениях были проведены торжественные молебны и беседы с личным составом. Даже наши экипажи поучаствовали. Было разъяснено, что мы идем на правое дело – возродить православную веру на Босфоре, чтобы вновь засиял крест на Святой Софии!

Уходим вправо, в сторону верфи, встаем в вираж и смотрим на результат нашей атаки. А хорошо внизу горит! Похоже, кто-то из идущих за мной самолетов в первом заходе не удержался и отработал по прилегающим к «Гебену» складам. Уж не знаю, что там именно было, но

рвануло хорошо! Мало того что все строения разлетелись по округе, так ведь и самому крейсеру хорошо досталось – положило правым бортом на воду. Наблюдаю с превеликим удовольствием лежащий на боку корабль с развороченной бочиной. Из огромной пробоины, отлично заметной сверху, тянется к небу столб дыма. И даже языки пламени в этом дыму пару раз мелькнули.

Выполнить еще один заход? Добить? А зачем? Ведь он уже почти наш. Поэтому не нужно добивать уже свой корабль. Все потом меньше средств уйдет на его восстановление. Поэтому уходим. Курс на Дарданеллы.

Час полета – проходим острова. Перед проливом – морская баталия. Ровная линия наших кораблей и разбросанная рваная турецкая. Мне сверху не разобрать, но у нас же есть целый морской офицер в экипаже! А уж ему-то опознать силуэты турецких кораблей – раз плюнуть. Как и наши... Поэтому будем выполнять полученную перед вылетом задачу – атаковать вражеские корабли. Кто тут самый опасный?

И стоящий у меня за спиной штурман вытягивает руку и указывает нашу новую цель. Понятно.

Проходим над нашими кораблями, разворачиваемся к проливу и занимаем боевой курс.

Противник уже научен горьким опытом – замечают нас сразу, стараются уйти в сторону, выполняют отворот. Вспыхивают внизу бледные и частые вспышки выстрелов, и я иду змейкой. Впереди и чуть в стороне распухает облачко шрапнельного разрыва. Мимо! Значительно ниже нашей высоты. Страшно! В груди растет стылый ком, поднимается к горлу и... Пропадает бесследно! Смывается накатившей злостью.

– Игнат!

И ловлю в ответ короткий и сосредоточенный взгляд стрелка, точно такой же злой, как и у меня. Еще успеваю краем глаза отметить упорядоченную суету Игната с Семеном возле пулемета и тут же про них забываю. Все внимание на наплывающую громаду корабля. И даже грохот «максима» в кабине почти пролетает мимо сознания. Лишь на самом краю фиксируется удовлетворение от нашей начавшейся ответной стрельбы. И злая радость, потому что для тяжелого станкового пулемета восемьсот метров не расстояние...

Сбрасываем груз на цель и сразу же уходим с разворотом на базу. Перед уходом успеваем с бокового ракурса сфотографировать результат нашей работы. Попасть-то мы попали, но кроме дыма ничего подробно не разобрать. Да и ладно. Главное, что попали куда-то туда.

И по нам уже никто не стреляет. И не разобрать, то ли это работа Игната с Семеном, то ли результат нашей бомбежки. Да еще на отходе к обстрелу турецкого корабля присоединился Михаил.

Над островами тихо, вообще никакого шевеления не видно внизу. Летим на семистах метрах, держим курс.

Через десять минут подлетаем к Константинополю. Времени-то всего прошло ничего, а дымы от разрастающихся в городе пожаров уже расплзлись, загустели, начали собираться на высоте в мрачное тревожное облако. Мы хоть и проходим значительно выше этого облака, но полное ощущение, что запах гари долетает и до нас. В носу сразу зашекотало, в горле запершило. Или и впрямь дым так высоко поднимается?

И все время навстречу один за другим идут «Муромцы». Тяжело груженные машины проходят выше, а мы проскакиваем над Босфором и скоро обгоняем разномастный флот транспортов, уходящий на северо-восток за подкреплением.

На наше счастье ветер не усилился, а даже немного утих. Потому что вроде бы как и волна стала немного ниже и более пологой. Или дело к вечеру – море успокаивается, или природа испугалась разыгравшейся неподалеку баталии и притихла.

А дальше отработанная схема. Заход, посадка и подруливание. И буксировка со швартовкой.

Короткий словесный доклад о своих действиях. Недолгое полуторачасовое ожидание, во время которого перекусываем прямо на борту самолета, даже не вылезая из своих кресел, и на короткое мгновение в них же и отдыхаем, не забывая приглядывать за окружающей обстановкой. А дальше запаленная команда встречающего нас катера уже привычно быстро делает свою работу по загрузке и заправке. Очередное задание, и мы вновь взлетаем.

Но предварительно перед взлетом ждем некоторое время, пока к вылету будет подготовлено еще несколько самолетов. Планы командования изменились. Не удалось нам с ходу взять на побережье, близ Константинополя заводы по производству снарядов. Принято решение, на мой взгляд, ошибочное, их уничтожить. Зачем? Все равно в сложившейся обстановке они уже не смогут снабжать свою армию огнеприпасами. А нам бы всяко пригодились. Но мое мнение никого не интересует, да и высказать его некому. Остается лишь «взять под козырек» и выполнить приказ.

После взлета ухожу в сторону с набором высоты, встаю в круг, в так называемой точке сбора, и жду подхода самолетов группы. Дальше собираемся и берем курс на обозначенные нам цели. Высоко забираться не стали, лететь-то тут всего ничего осталось.

С заводами определяемся на подходе. Их издали видно. Жаль уничтожить такое производство. Это же словно вредительство какое-то. Но делать нечего, и мы разделяемся на два отряда и уходим каждый к своей цели.

Пересиливая себя дал команду на сброс. Особо прицеливаться тут не нужно. Зона покрытия у нашей смеси достаточная, чтобы вызвать сильные пожары. Огонь свое дело сделает. Да и работать будет не один наш самолет.

Сбрасываем груз и уходим. И даже смотреть на результаты не стал. Что на них смотреть? Кто замыкающим летел, тот позже и доложит о них. Штурман пару снимков на всякий случай сделал. Мало ли – вдруг пригодятся?

Возвращаемся и после посадки узнаем очередные новости. Со стороны Эгейского моря наконец-то подошли наши союзники и начали артиллерийскую атаку укреплений Кум-Кале и Орхание на азиатском берегу, а также двух турецких батарей на европейском.

Уж не знаю, что стоило царю переломить преобладающие в стране и правительстве собственные и абсолютно не подкрепленные реалиями военного времени шапкозакладательские настроения по поводу Босфора и Константинополя, но он все-таки воспользовался помощью союзников. Да и невозможно было своими силами повернуть столь масштабную по резервам и средствам военную операцию.

Если, пользуясь в полной мере фактором неожиданности, еще можно было захватить город и пролив Босфор, то удержать его имеющимися силами вряд ли возможно. Не говоря уже о Дарданеллах. И Николай это прекрасно понимал. Поэтому и шли сейчас полным ходом наши транспортные суда за подкреплениями, именно поэтому начали артиллерийский обстрел турецких батарей Седиль-Бара и Ертрогула так вовремя подошедшие со стороны Эгейского моря союзники. Досталось и Кум-Кале. Ширина пролива здесь, на входе, небольшая – всего-то около трех верст, или трех с половиной километров, поэтому пока эти батареи не подавят, ни о каком дальнейшем продвижении и речи идти не может. Предполагается, что особого сопротивления турки не окажут – мало их здесь. Это потом, позже, сюда бы перебросили из-под Константинополя части первой и второй турецкой армии. А пока есть то, что есть. Плюс ко всему мины в проливе, которые нужно обязательно убирать.

И именно поэтому сейчас быстрым маршем движутся через Молдавию конные части генерала Келлера. Необходимо так напугать Болгарию, чтобы она тихо сидела в своих границах и даже голову не рискнула поднимать. Вот именно этой дополнительной цели и добивался Николай захватом Босфора и Константинополя, а также показательным маршем русской конницы. Тогда и сербы дружно выступят, и царь Константин, глядишь, примет наконец-то решение выслать свои немногочисленные войска им в помощь...

Наши же союзники явно заспешили. Испугались остаться в стороне от раздела этого «вкусного пирога». И на побережье началась высадка десанта.

А «Муромцы» сейчас выбивали ресурс моторов. Снова и снова поднимались в воздух и сбрасывали горючую смесь по прибрежным батареям Нагары и Чанаккале. Горные укрепления пока не трогали, их было решено отложить на потом. Главное сам пролив...

На удивление, турецкая авиация противодействия вообще не оказывала. В самом начале было несколько неудачных попыток атаковать наши самолеты, но они мгновенно пресекались сосредоточенным пулеметным огнем. И до земли долетали лишь обломки турецких аппаратов.

Некоторую нервозность вызвало появление в какой-то момент относительно большого отряда истребителей над Галлиполи, но, к счастью, это оказались самолеты союзников. Англичане привели в составе объединенной с французами эскадры свой авиатранспорт.

Правда, толку от него никакого не было. Если только воздушная разведка и корректировка артиллерийского огня кораблей. Да и дело это в сложившихся условиях довольно-таки неблагодарное и малорезультативное. Слишком быстро меняются приоритеты после работы наших бомбардировщиков. А чуть позже англичане и вообще перестали путаться у нас под ногами...

Глава 4

Наконец-то заканчивается этот долгий день, вымотавший всех нас до изнеможения. Чем ближе к вечеру, тем все больше кажется, что ни этот самый вечер, ни тем более ночь никогда не наступят.

Подлетное время до целей стало совсем небольшим, так что даже во время простого полета возможности хоть немного сбросить напряжение в измученных мышцах и нервах не было. И не только пилотам. Штурманы крутились, словно белки в том самом пресловутом колесе, работали не покладая рук, метались от штурманского стола к окошку с прицельной визирной линией, где ненадолго залипали и тут же возвращались обратно за стол к своим расчетам. Стрелки-наблюдатели не отрывались от своих пулеметов, до рези в глазах всматривались в небо, в горизонт, вниз, на землю. Все ждали атак турецкой авиации, оттого и не расслаблялись...

Взлетали, отрабатывали бомбами или горючей смесью по назначенным целям и возвращались к транспортам обеспечения.

Во время загрузки наступал короткий момент благословенного отдыха, когда можно было снять с педалей подрагивающие от нагрузки ноги, отпустить штурвал, уронить тяжелые руки на колени и на какое-то время просто отключиться. Закрывать сухие, уставшие от напряжения глаза, вытереть тыльной стороной ладони выступающие при этом невольные слезы, съехать немножко вниз и вперед в своем кресле, отрешиться от гула моторов снаружи кабины, от практически неразличимого плеска волны о поплавки, от скрипа натянутых швартовочных канатов, от возни матросов, обеспечивающих загрузку и, когда нужно, дозаправку под непосредственным руководством и участием нашего бортиженера...

Да, можно было расслабиться. Казалось бы... Но приходилось вставать и контролировать процесс загрузки и заправки. Личный контроль никто не отменял. Да и самому же потом в небе спокойнее будет. Разъездной катер подходил к самолету точно в тот момент, когда механики заканчивали свои работы, а аппарат был готов к вылету. Дежурный офицер передавал пакет с новым заданием и откланивался. Что сказать? Генерал Каульбарс работал эффективно и успевал за всем присматривать и вовремя отдавать распоряжения. И даже о кормежке экипажей не забыл – камбузы кораблей обеспечения радовали горячей пищей, а катера ее развозили.

Правда, принимать ее приходилось тут же, в самолете, рассевшись на чехлах в грузовой кабине, торопясь вернуть использованную посуду на борт катера.

И вновь поднимались в воздух. Летели через горький, едкий дым горящего города. Через кислую вонь сгоревшей взрывчатки разбомбленных заводов, надолго оставлявшую во рту привкус хозяйственного мыла. И даже над Мраморным морем небо уже не было чистым и светло-прозрачным. Бомбили батареи Нагары с нашей стороны пролива, чтобы поддержать пробивающиеся к Чанаккале боевые корабли эскадры Эбергарда. Разбивали сначала тяжелыми бомбами перекрытия укреплений и завершали работу сбросом горючей смеси на разбитые позиции.

Работала вся наша бомбардировочная авиация, все три эскадрильи Шидловского, плюс к ним несколько новейших самолетов Сикорского, в которых воплотили последние мои «разработочки».

И в завершение дня, перед самым наступлением ночи поступила новая задача – всем нашим «Муромцам» пришлось отработать бомбами и смесью по крепко засевающим в обороне частям турецкой армии. После высадки части нашего десанта на турецком побережье Черного моря при активной поддержке корабельной артиллерии батареи и позиции неприятеля были взяты с ходу, а противник отброшен. Десант не задержался и «на плечах отступающего неприятеля» продолжил движение к городу, где и ввязался в новое сражение. На городской окраине

турки оказались зажаты между двух огней, да еще и с моря по ним со всей ненавистью лупила вся корабельная артиллерия. Ну и мы, конечно, постарались. Добавили огонька...

И вот наконец-то этот безумный день сменился ночью. Как-то резко, вдруг, наступила темнота. Благословенная для нас. Да вообще для всех, потому что не только мы одни вымотались до чертиков.

И возвращаться нам пришлось в этой темноте. Садись на воду по освещенной прожекторами «дорожке», подруливали к транспортам, шли к ним «на огонек», так сказать. На подходе глушили моторы и дальше шли на одной лишь инерции. Ветра-то нет, штиль. Швартовались и сразу же отключались, засыпали тут же, на рабочих местах, в креслах и на полу, порой даже не успевая бросить под голову туго скатанный брезентовый чехол. Засыпали и не обращали никакого внимания на ходящих буквально по нашим головам механиков, на дозаправку и обслуживание моторов, на шумы и стуки в кабинах, на качку, в конце-то концов. Просыпались периодически и тут же вновь засыпали под непрерывную канонаду корабельной артиллерии по пехотным частям турецкой армии. Но измученный за последние дни организм отключался лишь на какое-то время, забывался в тревожном сне и тут же сбрасывал с себя сонное оцепенение, чтобы в следующее же мгновение вновь ухнуть в глубокую пропасть. Так что вроде бы и спали без задних ног, а в то же время и нет.

Правда, так сразу засыпали далеко не все. Командирскую работу, как и работу инженера, никто не отменял. Нужно было отчитаться за день перед Каульбарсом, отметить ему же всех отличившихся, передать штабистам использованные фотопластины и получить новые, проконтролировать послеполетные работы и подготовку самолета к последующим вылетам. Это еще стрелкам сегодня повезло – пострелять не пришлось. Поэтому и пулеметы не нужно было чистить и набивать ленты.

А город взяли утром. Ночью даже мы хорошо слышали доносящиеся с передовой выстрелы и взрывы, видели зарево от пожаров. Наши два транспорта обеспечения, несмотря на практически непрерывную работу по обслуживанию техники, умудрились подойти за вчерашний день к городу и уже в стремительно накатывающих на истерзанную землю сумерках остановились на внешнем рейде Константинополя, как раз на виду лежащей на боку туши «Гебена». И потому-то каждый раз после очередного вылета нам было все проще и проще возвращаться «на базу». Проще и ближе.

А мне, несмотря на усталость, так и не удалось выспаться. Почему-то, как только закрывал глаза, так сразу чудился в плеске волн скрип лодочных уключин. А ну как заснешь, а в это время нас начнут какие-нибудь янычары атаковать? Подплывут тихонечко на лодке под покровом ночи (а южные ночи темные – в двух шагах ничего не различишь, особенно когда небо дымом затянуто и луна через этот дым еле-еле пробивается своим бледным светом), перережут лётный и технический состав, пожгут самолеты вместе с нашими сонными или уже безжизненными тушками, и хана. Так что, несмотря на выставленный многочисленный караул из состава лётных экипажей и вахты транспортов, мне все равно не спалось.

Но не все были такими же мнительными и осторожными, как я. Экипаж дрых без задних ног. Даже казачьи души в лице Игната и Семена страха не ведали и сопели себе спокойно в две дырки на жестком фанерном полу «Муромца», словно находились сейчас дома и нежились на пуховой перине под мягким родным бочком. Изредка просыпались, вслушивались в гроыхающую ночь, сверкали коротко блеском открытых глаз и снова засыпали, убедившись в отсутствии непосредственной опасности.

И лишь когда снаружи что-то развиднелось, тогда и я провалился в крепкий сон. Словно одним махом в яму ухнул. Отключился.

Поспать так и не удалось.

Вот как раз в тот момент, когда я наконец-то успокоился и расслабился, меня и вызвали через вестового на совещание к командующему. Пришлось продира́ть глаза, кляня свои ночные страхи, срочно приходиться в себя и добираться до флагмана на посыльном катере.

Удивился, когда сумел прочитать на его корме короткое название, к какому именно кораблю приписан этот катер. Когда это «Евстафий» успел из Дарданелл вернуться? Вчера же самолично наблюдал его сверху во главе нашей эскадры, он в числе прочих усиленно обстреливал батареи пролива, высаживал катера с десантом. И вот он уже здесь. Сейчас все новости и узнаем.

Поднялся по спущенному трапу на борт мимо вахтенного помощника с матросами, козырнул в ответ, проследовал за вестовым в знакомую кают-компанию, поприветствовал собравшихся командиров экипажей. Представиться не потребовалось – вокруг только свои, авиаторы, давно знакомые лица. А буквально сразу за мной подтянулись и остальные командиры самолетов. Пока была такая возможность – сразу, как вошел, так и осмотрелся.

Кроме нас, авиаторов, присутствует несколько старших офицеров корабля, правда, сидят они отдельно от нас, своей тесной группой. Содружество, маму иху, родов войск, чтоб вас всех поперек колена! Боевое братство, называется! Нет что бы вперемешку сесть. Хотя что-то сдвинулось в лучшую сторону после вчерашних событий. Теперь хоть смотрят на нас спокойно и даже благожелательно, без снисходительных, хоть и тщательно скрываемых усмешек, как недавно. Вот ведь! После постановки задачи на флагмане и пары суток не прошло, а насколько отношение к нам поменялось. К нам и к нашей работе. Если раньше офицеры Черноморского флота смотрели на авиацию как на некую любопытную причуду или, в крайнем случае, как на какую-то непонятную пока вспомогательную помощь в виде воздушной разведки, то вчера мы всем доказали, что авиация отныне представляет грозную и неотвратимую силу, с которой обязательно следует считаться. И непременно учитывать ее в предстоящих военных раскладах...

Осмотрелся, пробираться в первые ряды не стал, увидел махнувшего мне рукой товарища и компаньона, пошел к нему. Уселся тут же на свободное место рядом с ним, с Игорем Ивановичем Сикорским, поздоровался вполголоса, собрался было полюбопытствовать о его вчерашней работе, но не успел с этим. Матросик подошедший помешал, сверкающий серебром поднос протянул. Я подхватил с подноса стакан горячего чая в блестящем, начищенном подстаканнике, оглянулся, как мне показалось, незаметно. Все с чаем, не я один такой исключительный. Поднес стакан к губам, с удовольствием втянул в себя вкусный терпкий аромат, осторожно сделал первый малюсенький глоточек. Горячо же. Ах, как хорошо! Даже резь в глазах пропала. Ну, какие теперь могут быть вопросы? Сначала чай!

Вот за что я люблю флотских, так это за дисциплину и порядок. Мы с утра небритые, заросшие щетиной, даже еще не позавтракавшие, а здесь салон сияет белоснежными скатертями, воздух свежий, гарью пожаров не порченый. Из распахнутых иллюминаторов и вливается, кстати. Неужели пожары в городе к утру утихли?

И чай. Крепкий, с кислой, бодрящей долькой лимона и сахаром.

С удовольствием все до доньшка выпил. И приготовился кому-нибудь внимать. Обязательно ведь разговоры начнутся, пока начальства нет. Вон как после чая народ оживился, расслабился, зашебуршился. Угадал.

Александр Васильевич Каульбарс поднялся. Развернулся лицом к собравшимся, тихонько кашлянул, привлекая тем самым всеобщее внимание.

– Господа, пока ожидаем командующего, коротко выскажусь. Сначала то, что касается непосредственно моих подчиненных. Вам же, господа, – короткий поклон в сторону группы морских офицеров, – все скажет лично Андрей Августович. С вашего же разрешения я продолжу.

Александр Васильевич громко откашлялся в платок, сложил его, убрал в карман и оглядел нас внимательно. Каждого. Только после этого продолжил:

– Самым первым делом должен передать вам всем высочайшее одобрение ваших действий. Слаженная и эффективная работа авиации стала именно той гирей, которая перевесила чашу весов при сражении на нашу сторону. Благодарю вас всех за службу, господа офицеры!

Пришлось нам вставать и отвечать, как Уставом положено. А тут и двери в кают-компанию распахнулись, привлекая к себе общее внимание и от увиденного заставляя развернуться и вытянуться во фрунт, замереть.

Генерал Каульбарс команду подал, шагнул навстречу Николаю по проходу, отдал рапорт. Вслед за государем повторил команду «Вольно» и отступил чуть в сторону, освобождая проход и пропуская императора со свитой.

Его императорское величество собственной персоной пожаловал, в сопровождении великих князей Николая Николаевича и Александра Михайловича! Следом за ними Эбергард и Янушкевич. Удивило то, что двери сразу же закрылись, буквально отрезая идущую следом группу офицеров Генштаба и свиты. Впрочем, как я ни прислушивался, а никакого ропота за дверями не услышал. Только стулья гроыхнули, и все. А мы, получается, избранные?

Выходит, не соврали слухи? Государь и впрямь прибыл в Крым. И лично решил участвовать в Босфорской операции? Так сказать, первым ступить на отвоеванную землю? И первым же посетить Святую Софию? Ладно, это не мое дело. А вот для чего я здесь? Если присутствие Каульбарса и Шидловского еще как-то объяснимо, не говоря о командующем Черноморским флотом, то я-то с командирами самолетов и старшими офицерами корабля здесь каким боком? И почему тогда нет командиров пехотных и казачьих частей в таком разе? Что было бы весьма справедливо... Или с ними чуть позже государь с князьями будут встречаться?

Тем временем Николай Второй прошел к столу, остановился, развернулся к нам лицом. Слева и на полшага позади встал Александр Михайлович, справа почти рядом – Николай Николаевич, оба на полголовы выше своего царствующего родича. Стоят рядышком, словно два стража по бокам.

– Господа, прошу садиться, – государь снял фуражку, присел к столу, подавая тем самым пример всем нам.

Сначала присели великие князья, следом Янушкевич, за ними командующий. Ну а потом остальные, и я в том числе. Это хорошо, что я с самого начала в сторонке держался, да к Сикорскому в его штатском платье на галерку подсел. Теперь меня и не видно ни царю, ни князьям. Не хочу лишней раз им на глаза попадаться, внимание присутствующих к себе привлекать, завистливые пересуды свитских за моей спиной возобновлять. Только-только все утихло...

А дальше было коротенькое поздравление в связи с одержанной победой, краткая сводка вчерашних героических и отныне точно исторических событий, высочайшее обещание не забыть об отличившихся и о последующем их награждении.

Упомянул государь и об отвлекающем маневре у Зонгудлака. На удивление, город был атакован нашими войсками и взят. Угольные склады захвачены в целости. Терцы не удержались и устремились к Анкаре, разрушая на своем пути турецкие коммуникации, наводя панику на окрестное население, оттягивая на себя внимание турецкого командования и его военные силы. Где они сейчас, насколько продвинулись в глубину турецкой территории, данных пока нет...

Коснулись и участия союзнических сил вчерашним днем.

К своей радости, услышал, что пролив Дарданеллы у Чанаккале намертво перекрыт нашими линейными кораблями «Иоанн Златоуст» и «Пантелеймон», при поддержке шести эскадренных миноносцев. И они не пропустят в Мраморное море корабли союзников ни под каким-либо надуманным предлогом. Знаем! Доказывай потом всем, что эта победа полностью наша, и была одержана силой только лишь русского оружия.

А нам сейчас ничьей поддержки не требуется, да и делать в Мраморном море союзникам пока нечего. Впрочем, они даже к Чанаккале никак не могут пробиться через плотный огонь

турецких батарей. Это с нашей стороны турецкая оборона в Дарданеллах взломана, а с их – еще постараться нужно. Опять же минных полей в проливе никто не отменял.

Вот и опасаются союзники, осторожничают. Им вроде бы после последних событий и спешить сейчас особо не нужно. И лучше бы подождать, постоять в сторонке, пока русские все каштаны из огня повытаскивают, и прийти потом на все готовенькое. Но и медлить опасно, вдруг вообще эти русские обойдутся без союзнической помощи? Черчилль подобной оплеухи Кардену не простит...

Так что сейчас англичане вроде бы как ускоренными темпами стараются пробиться вперед и снять мины в проливе. «Флаг им в руки!»

Последняя фраза моя. Это я так мысленно подвел итоги всему услышанному.

Вторая половина совещания была посвящена нарезке новых задач по поддержке наших сухопутных частей и корректировке огня корабельной артиллерии с воздуха. В последнем будут в полной мере использоваться и самолеты Севастопольского авиаотряда. Три самолета вместе с легчиками как раз для подобных целей и находятся на борту транспорта сопровождения.

Возможно, «Муромцам» Шидловского придется помогать атакующей сербской армии, но это пока только предположение. И то лишь только в том случае, если царь Константин снова начнет затягивать и выжидать с отправкой своих войск на помощь сербам. Впрочем, вести о захвате Константинополя и проливов сегодня разлетятся по миру и заставят кое-кого принять правильные решения.

Поэтому пока основные задачи – это бомбардировка с воздуха турецких позиций к югу и к северу от городских окраин.

И на этом нас отпустили. А я-то думал, еще и награждать будут... Шучу.

– И стоило ли всех нас здесь собирать? – пробормотал тихонько, пробираясь к выходу и стараясь при этом выглядеть незаметно. – Нам-то это все знать на кой?

Не вышло.

– Господин полковник! Не торопитесь. Попрошу вас остаться, – остановил меня Каульбарс.

Пришлось задержаться. Неужели кто-то мои слова за шумом отодвигаемых стульев услышал? Стою, ловлю на себе любопытные и сочувствующие взгляды пробирающихся к выходу авиаторов. Даже Сикорский, обходя меня, мимоходом умудрился пожать мою руку. Подбадривает.

– Ваше императорское величество? – обратился к Николаю Александр Васильевич.

– Присаживайтесь, генерал. И вы, полковник, не стесняйтесь, подходите ближе. Здесь все свои, – пошутил в мою сторону государь.

Доволен. Еще бы ему не быть довольным. Событие, к которому он, да и не только он, а вся империя столько времени стремилась, наконец-то свершилось! История в очередной раз повернулась к нам другим боком. В лучшую или худшую сторону, увидим.

Вряд ли в худшую. Сколько я когда-то читал и слышал, что если бы в свое время произошел подобный захват, то вряд ли в России произошла бы революция...

– Сергей Викторович, каков остаток ресурса моторов на вашем самолете?

Вопрос императора оказался настолько для меня неожиданным, что я в первый момент даже несколько растерялся. Уж от кого-кого, а от Николая подобного вопроса никак не ожидал. Впрочем, сразу же собрался и ответил. А что тут думать? Тут даже думать не нужно, ответ сразу же автоматически из меня вылетел. Этот ресурс я все время считаю, каждый прожитый день. Моторы потому что у меня стоят новые, только что с завода, и можно сказать, что они сейчас проходят реальные испытания в боевых условиях.

И с ресурсом у меня очень интересная ситуация. Теоретически-то его определили по прежним нормам, в полсотни часов, а вот каким он на самом деле окажется? Понятно, что зна-

чительно выше. Но насколько? Пока таких данных нет. Мотор-то абсолютно другой. И работает по другому принципу. Так и ответил, что еще половину не выбрал. Скрывать-то нечего.

Сразу стало очень интересно, почему в таком разрезе самого главного конструктора, напрямую отвечающего и за эти самые самолеты, и за новые моторы, сейчас прочь удалили? Кому как не ему о своем детище все знать положено? Пусть бы Игорь Иванович и отчитывался перед государем о ресурсе. Или почему этот вопрос адресуется не ко второму моему компаньону – другу, а сейчас еще и сослуживцу Шидловскому Михаилу Владимировичу? Который как раз сейчас рядом с нами и находится. Он и по званию, и по должности повыше меня будет. Или к генералу Каульбарсу...

Хотя пока еще подобных вещей здесь не принято знать. Это чуть позже, с наработанным опытом, подобные вещи в повседневную рутину и обязательку войдут. Или уже начинают входить. Я же вижу, насколько неприятно генералу это свое сегодняшнее незнание и некомпетентность в только что заданном вопросе выказывать. В вопросе, кстати, его напрямую касающемся. И заданном, между прочим, не кем-нибудь, а самим государем.

Николай выслушал мой ответ, кивнул головой каким-то своим мыслям. Похоже на то, что этим мыслям мой ответ пришелся как раз впору. Кивнул и продолжил:

– Надежность и эффективность «Муромцев» в боевых, да и не только в боевых условиях оказались выше всяких похвал. И Александр Михайлович... – мельком брошенный взгляд на великого князя, – в этом меня очень горячо уверял. Особенно после столь знаменательного полета с вами, Сергей Викторович. Князь был впечатлен вашим самообладанием в полете и великолепным пилотированием этой огромной машины...

Николай Второй прервался, внимательно глянул на меня, на Каульбарса и продолжил:

– Поэтому мною принято решение отменить ранее принятый Указ о запрете подниматься в воздух членам императорской фамилии...

Николай Второй вновь замолчал, снова потянул коротенькую паузу, словно давая какое-то время всем здесь присутствующим осознать только что сказанное, и продолжил:

– Господин полковник...

Я подскочил, вытянулся. Раз началось официальное обращение, значит, шутки закончились. Наступила служба. А приказы не принято получать, сидя на стуле. И что-то не нравится мне это затянувшееся отступление в речи императора. Ох, спинным мозгом чую ба-альшой подвох.

– Непосредственную задачу вам поставит его высокопревосходительство Николай Николаевич. Прошу, князь.

И я весь превратился в слух. Николай Николаевич выше своего царствующего родственника на полголовы. И на вид крепче. Ну и старше, само собой. Стою, команды «Вольно» мне никто не давал.

А Николай по сравнению с родичами хоть и не вышел ростом, но внушает, внушает. Чувствуется в нем нечто этакое, императорское, что не позволяет на него сверху вниз смотреть.

– Сегодня после службы и молебна в Софийском соборе вы вместе с нами летите в Севастополь. И остаетесь в нашем распоряжении... – главнокомандующий делает паузу, словно ожидает моих уточняющих или недоуменных вопросов, но я молчу. Уже все понятно.

Только одно уточнение, мелькает быстрая мысль, которую я тут же запикиваю куда поглубже. Потому как уточнение это понятно только мне и пока непонятно никому из присутствующих: «не я вместе с вами, а вы вместе со мной».

И ничего в этом особенного нет. Вы бы с мое полетали по странам да повозили бы... Кого только не пришлось мне возить на борту своего самолета в прошлой жизни. Единственное, совсем уж верхний эшелон власти не довелось лицезреть на борту своего лайнера, а так...

Ладно, отметаем прочь воспоминания и вслушиваемся в дальнейшие указания. А их-то, указаний этих, и нет. В основном лишь вопросы ко мне. Как полетим, когда полетим, куда

полетим. Эх, времечко золотое, когда никто за тебя все эти вопросы и другие, им подобные, решить не может. Когда ты кум королю и сват министру...

Единственное, уточняю, когда именно нам необходимо на месте быть. А быть нам в Севастополе необходимо завтра, и опять же, все на мое усмотрение.

Раз так, тогда сразу и взлетаем. Да не совсем сразу, что же вы так тут же и поверили, опешили, а после молебна и службы, само собой. Заключительные два слова и серединку заключительной фразы я тоже мудро проглотил, не стал говорить вслух. Что там дальше?

– Полковник, напоминать вам о том, что все выше сказанное не должно дальше вас никуда уйти, не нужно?

А это уже Александр Михайлович дополнил. Не удержался. Остался только Каульбарс, но и он, чувствую, обязательно что-нибудь да скажет. Но потом, когда члены августейшей фамилии уедут...

Мне вот только интересно... А где служба безопасности государя? Где разведка и контрразведка? И где, наконец, обеспечивающие его здесь пребывание жандармы с охраной? Появилось сразу столько вопросов к Марии Федоровне и к Джунковскому, что только руками осталось развести. Сколько подобного я им наговорил в свое время, и все впустую, как оказалось...

Вот и закончилась моя вольница на крымской земле, пролетело мимо меня создание авиароты под моим же непосредственным командованием. Конкретного мне ничего по этому вопросу не сказали, это лишь мои домыслы. Плохо ли это, хорошо ли, пока не знаю. Время покажет. Может, слетаю в Севастополь, отработаю положенное, а там и вернусь к намеченному...

На сам молебен я не пошел. Свой экипаж в полном составе отпустил, а сам отговорился подготовкой аппарата к очередному ответственному вылету и дополнительными проверками всех систем. Смолин, правда, сразу что-то не то заподозрил, потому как вознамерился остаться и составить мне компанию в этой подготовке. Насилу от него отбил. Вот я ляпнул-то, не подумав.

Больше, кстати, никто из экипажа подобной сознательности не проявил. Мысленно все уже были на площади перед Софией. Это я так, для красного словца и для оправдания себя любимого эти отговорки придумал. Просто ну не хотелось мне в предстоящей давке участвовать. А то, что она там будет – к маме не ходи. Пусть все это без меня пройдет.

Катер с моим личным составом отчалил, ушел к следующему самолету за очередной порцией любопытствующего служивого народа, а я скрылся в грузовой кабине, да еще и люк за собой прикрыл. Для порядка осмотрелся, ничего крамольного внутри не увидел. Да и вряд ли что-то мог увидеть. Здесь у нас всегда порядок, все чистенько, все на своих местах.

Посидел на рабочем месте, проводил взглядом уходящий к берегу катер, потом вернулся в грузовую кабину, прилег на чехлы. Повалился полчасика. Нет, не ложится, не по себе что-то. Распахнул настежь боковую дверь, сел на обрез люка, свесил ноги вниз. Сижу, болтаю сапогами. Внизу волны перекатываются, самолет покачивают. Эх, удочки не хватает. Солнечные зайчики глаза слепят, заставляют жмуриться от удовольствия. Только сейчас и сообразил, почему мне так тревожно. Потому что артиллерийской канонады не слышно. Весь вчерашний день, всю ночь и все утро корабельные пушки по туркам долбили. А сейчас тишина.

Как только разобрался с причиной своего беспокойства, так сразу и полегчало. И наконец-то понастоящему в сон потянуло. Вернулся на уже нагретые чехлы, поворочался, устраиваясь поудобнее, начал придремывать. И снова помешали, вырвали из сладкой дремы. Подошел тот же катер, стукнулся бортом о поплавок, закрипел деревом, вызывая внутреннее возмущение и протест – что это еще за вольности? Мой самолет хотят поцарапать! А если поплавок повредят? Ну я сейчас вам задам! Подхватился, подскочил, потянулся к запорной рукоятке под неожиданный и потому подозрительный топот ног снаружи, второй рукой нащупывая писто-

лет в кобуре. Толкнул створку, отступая сразу чуть в сторону от проема и... Поспешно сунул пистолет в кобур. Сикорский это. Игорь Владимирович, друг и компаньон. А что это он здесь делает? И отчего это я так всполошился? Наверное, от резкого недосыпа...

Ухватился правой за протянутую мне руку, уперся левой покрепче в боковой обрез проема, втянул товарища к себе в кабину.

– Удивился? Мне приказано лично проследить за надлежащим дооборудованием кабины... – опередил мой вопрос Сикорский. С удовольствием посмотрел на мою ошарашенную физиономию, ухмыльнулся и махнул рукой. – А-а, ничего серьезного, не волнуйся. Приказано установить в грузовой кабине пару диванов, кресла и стол. И, пардон за такие подробности, проверить работу туалетной комнаты. Так выходит, Сергей Викторович, что непростые гости у тебя на борту ожидаются?

В ответ я лишь пальцем в небо ткнул. Сикорский поймет. И он понял. Посмотрел на меня внимательно, кивнул уважительно головой. И сразу же разговор на другое перевел. На новости.

– К вечеру первые транспорты с подкреплением должны подойти. По слухам, командующим здесь, на Босфоре, будет назначен Келлер. Не слышал?

Я только головой отрицательно покачал. Откуда бы я слышал? Это для всех. А то, что знаю на самом деле, так это никого не касается, даже Игоря.

– Говорят, наши австрийцев погнали. Взяли Перемышль. Снова отличился Брусилов. А генерал Рузский перешел Вислу и начал наступление. При поддержке Балтийского флота под командованием Эссена они с ходу взяли Гданьск. А командовать Западным фронтом назначили Алексева. Представляешь?

Само собой, представляю. Только я-то тут при чем? Это они все сами, сами. А Игорь тем временем продолжал вываливать на меня все последние новости:

– Союзники через Дарданеллы пройти не могут. Турецкие батареи в проливе стоят до последнего. Отступать-то им некуда... – Сикорский прищурился на чехлы, уселся, поерзал, устраиваясь поудобнее. – Штабные говорили, что у союзников Кардена сняли, якобы по болезни. Вместо него командующим назначили Де Робека. Обещались повторить успешный прорыв адмирала Дюкворта, и ничего из этих обещаний не вышло. В Англии Китченеру отставкой пригрозили.

Я только на все на это угукнул. А что говорить-то? Лучше послушать. Тем более Игорь наконец-то на нужную нам обоим тему перешел.

– А ведь не зря я сюда лично прилетел! Детям и внукам буду рассказывать, что участие принимал во взятии Константинополя! Вместе с государем!

Сикорский глянул на мою физиономию, не увидел должного, по его мнению, энтузиазма и поостыл. Помолчал, потом, похоже, мысленно махнул рукой на мои причуды и переключился на профессиональные темы:

– Представляешь, посмотрел на вот это все своими глазами и как-то враз наш с тобой давний разговор припомнил. Ну тот самый, когда ты с Григоровичем про амфибии заспорил. Что можно было бы торпеды на борт брать. А он не верил. Его бы сейчас сюда! Представляешь, как было бы здорово? – разошелся изобретатель-конструктор. – Нет, бомбы и горючая смесь тоже ничего, выше всяких похвал. Но для их сброса нужно непосредственно над целью пролететь. А у противника всюду появляется, как ты ее называл, противовоздушная оборона. И пролетать над целью с каждым разом будет все труднее и опаснее. Я и подумал: а если наш самолет сможет брать на борт хотя бы две такие торпеды? Нет, две будет многовато. Хотя... Нужно будет подробно во всем этом разобраться. Вес, длина, диаметр, дальность хода этих самодвижущихся мин и прочее. Ну, ты же меня понимаешь? Да? Так вот. Подойти к кораблям противника на низкой высоте, подкрасться к нему, можно сказать... Лучше ночью... Хорошо прицелиться и сбросить свой смертоносный груз...

Сикорский не утерпел, подхватился на ноги, забежал по кабине. Сдвинул на затылок фуражку, потер с ожесточением лоб, подергал себя за волосы. Остановился возле бомболюка, осмотрел бомбодержатели, развернулся в мою сторону:

– Почему ты молчишь?

– Тебя слушаю. Ты же слова не даешь сказать.

– Да? Извини. Но ведь сама идея какая? Она того стоит?

– Конечно! Я же вас еще тогда в ее полезности уверял. Бесполезно уверял, кстати, – не удержался с укором. Подпустил шпильку в адрес Сикорского. А то, смотрю, он уже совсем собрался мою задумку «прихватизировать».

– Чтобы оценить эту идею во всей ее красе, нужно было оказаться сегодня вот на этом самом месте! – и конструктор сильно притопнул ногой.

– Аккуратней! Ты мне пол продавишь. На этом самом месте ты и дома мог всегда оказаться.

– Не продавлю. Да и что это за пол, если он продавится? Постой. Ты это что? Смеешься? О-о... Я же не кабину, я Константинополь имею в виду...

Тем не менее топтать перестал, вернулся к чехлам, уселся на них и откинулся спиной на ребра стрингеров боковой поверхности кабины.

– Так понимаю, государь сегодня вместе с тобой улетает в Севастополь? – резко и опасно сменил тему разговора.

– Правильно понимаешь, – не стал хитрить и уверять товарища в обратном. Все равно скоро об этом все будут знать. Или уже знают. Надо бы этот момент уточнить.

– Откуда узнал?

– Отсюда, – Игорь прикоснулся двумя пальцами к голове. Усмехнулся легонько на мой недоверчивый взгляд. – Да точно тебе говорю. Догадался.

И сразу же начал объяснять свои логически выводы:

– Босфор и Константинополь мы взяли. И почти все Дарданеллы. А если захотим, то и без «почти» возьмем. В отличие от союзников. Они так и топчутся на входе в пролив. И свои доклады в Англию отсылают. Наверняка из Объединенного Королевства нашему императору телеграммы шлют. Требуют связи и переговоров. Это не секрет, здесь любому все понятно. Или нет? – коротко взглянул в мою сторону. Не увидел никакой ответной реакции, успокоился и продолжил: – Николай в последнее время хоть и переменялся сильно в лучшую сторону, но отказаться от общения с «родственниками» (Игорь Иванович выделил это слово, словно плюнул) не сможет. Поэтому в ближайшее время он вынужден будет оказаться или в столице, или в Ставке. Ну, в крайнем случае для предварительного разговора и штаб Черноморского флота в Севастополе сойдет. Понимаешь?

Почти все верно. Вот только Игорь не знает того, что теперь знает о своем будущем император. И вряд ли он в свете этих знаний так уж срочно будет торопиться провести этот разговор... Думаю, сначала обязательно встретится здесь с Келлером, послушает, о чем тот будет говорить с Николаем Николаевичем, великим князем и главнокомандующим, обязательно еще несколько раз покажется солдатам и офицерам в самом Константинополе и только после этого отправится в тыл. А так все правильно. Одно плохо. Сегодняшняя задержка с наступлением. Я, конечно, все понимаю с величием и размахом вот этого самого эпохального события... Но ради службы и молебна в Софийском соборе откладывать наступление... И давать тем самым противнику шанс на перегруппировку и возможность перебросить подкрепления... М-да... Скорее бы Келлер прибыл. Уж он-то медлить и оглядываться не станет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.